

A close-up, artistic photograph of a camera lens. The lens is the central focus, showing its intricate internal elements and the reflection of light. The background is dark and out of focus, with some blue and green light flares. Two semi-transparent text boxes are overlaid on the image. The top box contains the author's name, and the middle box contains the title. The bottom box contains a descriptive blurb about the book's content.

Борис Михайлов

ЖЕНЩИНЫ НАШИХ
ГРЁЗ

Роман о любви, журналистах
телевидения, о выборах мэра,
немного легкой эротике

Борис Михайлов
Женщины наших грёз.
Роман о любви, журналистах
телевидения, о выборах мэра,
немного легкой эротики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22614715
ISBN 9785448363320

Аннотация

Роман о жизни российской провинции 80—90-х годов, времен Ельцина, на фоне судеб журналистов областной студии телевидения, артистического мира, представителей местной власти и выборной кампании градоначальника. Истории любви героев романа – журналиста телевидения и балерины местного театра оперы и балета, его друга-режиссера и оперной певицы. Читатели познакомятся также с любовными эротическими сюжетами, которые герои романа собирают для своей будущей книги «Декамерон XXI».

Содержание

1	6
2	13
3	18
4	24
5	35
6	46
7	54
8	64
9	68
10	77
11	101
12	105
13	110
Конец ознакомительного фрагмента.	111

**Женщины наших грёз
Роман о любви,
журналистах телевидения,
о выборах мэра,
немного легкой эротики
Борис Михайлов**

© Борис Михайлов, 2017

ISBN 978-5-4483-6332-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Член Союза журналистов СССР. Работал в газетах Сиби-

ри и Поволжья, последние 26 лет на Куйбышевском телевидении. Репортер, редактор, комментатор, сценарист, режиссер. Автор книги об истории одной из протестантских конфессий – методистской церкви в России. Книга издана в Москве и США. В последние годы издал несколько женских любовных романов для чтения в метро и на пляже. Живет в Петербурге, сотрудничает со СМИ.

1

Перед репетицией вечерних новостей, Вадим Вихров – главный редактор местного государственного телеканала, собрался спокойно почитать сценарии, просмотреть папки ближайших передач. Соплевание и споры с редакторами позади, утихли страсти со съемками, в коридорах и кабинетах студии наступило затишье. Однако сбыться добрым намерениям не получилось. С очередной идеей зашел друг и соавтор их будущей книги – режиссер Алексей Одинцов, светло-волосый, с голубыми глазами, женский любимец.

Несколько лет назад друзья написали книгу о своих встречах на телевидении. Книга имела успех, получила благосклонные отзывы центральной прессы, выпустили дополнительный тираж. Ободренные успехом дуэта, друзья вынашивали новый проект. Во что он выльется – в любовный роман или киносценарий для «большого кино», пока не решили. В любом случае, в отличие от первой книги, написанной на документальной основе, новое творение должно стать художественным произведением. Чтобы завлечь читателя или зрителя, друзья наметили нечто среднее между серьезной прозой и мексиканским любовным сериалом на российской почве, рассчитанное на более высокий интеллект. Для будущего произведения уже написаны две сотни страниц, собраны интересные истории, придуманы гэки. Не находилась по-

ка связывающая нить, объединившая бы отдельные новеллы в единое целое, позволившее держать читателя в постоянном напряжении.

Звонок внутреннего телефона прервал спор, которому, казалось, не будет конца. Из новостей звонил Михаил Дроздов.

– Вадим Константинович, собрался завтра с утра на съемки моста на Петровском путепроводе, а Хворостова кричит, ей важнее в аэропорт, встречать Любовь Казарновскую. Группу забирает. Вечером в филармонии спокойно снимет, а положение с ремонтом моста волнует тысячи горожан. Вмешайтесь!

– Другие съемочные группы куда запланированы?

– Николаев в командировке в селе, Кочетков – на заводе снимает немецкую делегацию. Съемки моста плановые, в недельном плане.

– О Казарновской раньше не знали?

– Пять минут назад позвонили из филармонии, а мы должны перестраиваться.

Вадим слышит, рядом Хворостова пытается вырвать трубку.

– Дай её!

– Вадим Константинович! Съемки, действительно, не плановые. В аэропорту Казарновскую собирается встречать губернатор, её страстный поклонник и знакомый, ведущие артисты оперного театра. Нельзя упустить сюжет. Мост свой

засранный снимет после обеда.

Кое-как убедив Дроздова отдать группу Хворостовой, Вадим повернулся к Алексею.

– Так каждый день! Съемочных групп выделяют три, событий много, хоть разорвись. Я как диспетчер.

Так и не продолжив обсуждение будущей книги, Алексей ушел. Вадим принялся за микрофонные папки, но погрузиться в сценарии опять не удалось. Замигал внутренний телефон. Звонили из проходной. Вахтер спрашивал, что делать с отчаянной посетительницей, требует самого главного начальника. Пришла с жалобой. В приемной Председателя и в редакции писем уже никого.

– Первый день работаешь? Дай телефон отдела писем и пусть приходит в следующий раз пораньше, предварительно позвонив.

– Издалека, из Светлого ключа, жалобщица. Лишний раз не поедешь.

Вадим по внутреннему телефону позвонил в письма, затем в информацию. В новостях трубку взяла Аннушка.

– Сильно занята? – спросил Вадим. – Поговори, пожалуйста, с женщиной. Из района приехала, кто-то обидел. Разберись.

– Вадим Константинович, жалобами письма занимаются! Мне некогда.

– Может недолго. Выслушай её, пожалуйста.

Он позвонил на проходную.

– Женщина из Светлого ключа не ушла? Пропусти к Жуковой. Пусть ей все изложит, а придет Максимова или Скворцов, разберутся.

Вскоре раздался звонок Анны.

– Вадим Константинович, не знаю, как быть. Прислали... Любовные страсти для вашей книги! Валера Степаненко нужен, – она замолкла на секунду. – Я приведу Марию Васильевну к вам.

– Мне, что с ней делать?

– Поговорите, подскажите, что-то. Успокойте.

Вадим не успел ответить, Анна положила трубку и вскоре уже стучала в кабинет. Представив спутнице Вадима, как самого главного, ушла, оставив его наедине с Марией Васильевной. Ничего не оставалось, как отложить в сторону папки с передачами, и предложить посетительнице сесть, и выслушать.

О любвеобильности телеоператора Валеры Степаненко на студии ходили легенды. Однако разбираться в его похождениях не приходилось. Он родом из села Светлые ключи, в сотне километров от областного центра. Там жили родители, сестра. Несколько раз в месяц он заезжал к ним.

Сидевшая у Вадима, односельчанка Мария Васильевна рассказала, что в Ключах Валера «обрюхатил» двух девок, в том числе ее дочь, а жениться не собирается. Приехала за помощью, в надежде, Валеркины «начальники» заставят жениться на Ольге.

– Потом приедут родители второй девчонки требовать от Валерия жениться на их дочери? – задал Вадим очевидный вопрос.

Валерий давно городской парень, классно снимает, лично подрабатывает на свадьбах, скопил на квартиру. Жениться, да еще на деревенской подруге, вряд ли согласится.

– Чем я могу помочь? – спросил Вадим. – Принудить его никто не может.

– Пусть женится на Ольге!

– К родителям Валерия, ходили?

– Слушать не стали, выпроводили. Винят Ольгу. Куда теперь мне, в суд идти?

– Девчонкам следовало думать о последствиях, – не сдержав эмоции, – заметил Вадим, а про себя подумал: «Ну, наивные же еще люди живут в глубинке»!

Посетительница расплакалась, и он дал воды, кое-как успокоил, пообещал поговорить с Валерием. Когда женщина немного успокоилась, перестала плакать, Вадим вызвал из гаража дежурную машину. Проводил гостью во двор и посадил в машину, наказал шоферу отвезти на автовокзал.

Женщина сквозь слезы поблагодарила Вадима. За машину или за обещание поговорить с Валерием? О чем говорить с парнем? Не накажешь, не уволишь, как в парткомовские времена. Уволить – завтра же устроится в другую телекомпанию, примут с распростертыми объятиями. По работе к нему претензий нет, Степаненко один из лучших кино – телеопе-

раторов в ГТРК.

Вернувшись в кабинет, Вадим позвонил в отдел программирования и предупредил, как появится Степаненко, пусть зайдет.

К концу дня, когда уже собирался домой, зашел Валерий. Узнав о цели приглашения, начал грубить и почти послал Вадима по известному адресу.

– За кого заступаетесь! Они же бляди! Не рассказывала про групповуху, которую любит ее Ольга? Не маменькины дочери, сами уговорили на секс втроем. Обожают групповуху, а оргии, какие устраивают! Без меня с местными парнями развлекаются. Обе беременны, сказала? Доигрались!

– Мать Ольги произвела впечатление строгой и порядочной женщины, а дочь дошла до такой распущенности?

– Да в деревне нравы почище городских! Смотрят по телевизору и на кассетах те же фильмы с порнухой. В городе девки еще что-то думают, соображают, где кино, а где жизнь. Деревенщина принимает всё за чистую монету, верит, так принято в мире. Для них знание жизни – зомби – ящик телевизора.

Разговора со Степаненко не получилось. Если он прав, сказать нечего.

– Валера, прошу тебя, поезжай в деревню и разберись. Не мое дело вмешиваться в твои амурные похождения. Постарайся, чтобы больше не приезжали с жалобами. Знаешь, как о нашей студии отзываются? Дворянское гнездо раз-

вратников, бордель. Лишний раз давать пищу для пересудов не стоит.

– Слышал. Почему дворянское – не понимаю. Дворян у нас раз – два и обчелся.

В итоге Валера пообещал «прочистить мозги» родителям бывших возлюбленных.

2

Вадим проснулся рано, часы показывали половину седьмого. Посмотрел на спящую рядом Майю и волны счастья, радости окатили его. Отличное настроение переполняло, ощущался подъем сил и энергии, готовность на всё ради неё. Раскинув каштановые волосы по подушке, она улыбалась во сне, и выглядела прекрасно. Неожиданно подумал: Натка не будет больше сниться, Майя навсегда вытеснила её из памяти.

Тихо поднялся, стараясь не разбудить любимую, пошел в ванную принять душ. Потом поставил кофе, включил тостер, открыл банку конфитюра. Орудовал на кухне слишком громко, Майя проснулась и позвала.

Он вернулся в спальню, одновременно и гостиную, и его кабинет, и все на свете, как получается в однокомнатной квартире. Сел на краешек постели, поцеловал, еще не проснувшуюся полностью, любимую. Она протянула руки, приподнялась, притянула его к себе и они слились в поцелуе. Он скинул халат, поднял одеяло и юркнул к ней, тела их сплелись. Задрав ночную рубашку, истово целовал её, спускаясь все ниже, Майя млела от его ласк. Из кухни запахло горелым.

– Кофе убежал!

Оставить трепещущее тело, никак не хотелось, но при-

шло. Запах, выплескивающегося на конфорку электропечи, кофе становился все невыносимей. Он поцеловал её, и бросился на кухню, а Майя села, раздумывая встать или позволить себе еще понежиться в постели. Вернулся Вадим, повалил её и разрешил сомнения. Обоих охватило желание, он набросился на зовущее тело, продолжая целовать, снял рубашку, и они слились в единое целое.

– Какой ненасытный! – прошептала, и отдалась нахлынувшему чувству единения.

Насладившись счастливыми мгновениями, они продолжили поцелуями, благодарить друг друга за полученное наслаждение. Майя, наконец, смогла заговорить.

– Перееду к тебе, каждое утро будем начинать подобным образом? Ночи тебе мало! Думаешь, теперь охота подниматься, идти на работу?

– Такая прекрасная, желанная, не мог удержаться. Полежи еще, подремли немного. Наведу пока порядок на кухне и приготовлю завтрак.

Он благодарно поцеловал ее в глаза и, пожелав заснуть, пошел на кухню. Очистил плиту и турку от накипи, поставил новую порцию кофе. Нарезал тонко хлеб и вложил в тостер.

Майя попробовала заснуть, полежала недолго и поднялась, пошла в ванную. Позже с мокрыми волосами, в халате зашла на кухню.

– Ты чего поднялась? Собирался подать завтрак в постель.

– В другой раз. Где фен?

– В ванной нет? – Он сходил в ванную, проверил шкафчики, фена нигде не было, выругался про себя, вслух сказал: – Алексей у меня ночевал и сунул куда-то. У него на три дня отключили горячую воду.

– Кажется, на книжной полке видела. Алексей, говоришь? – насмешливо спросила Майя. – Может, очередная поклонница?

Вадим поцелует закрыл ей рот, протягивая фен.

Майя напомнила о сегодняшнем концерте её студийцев на общегородском конкурсе.

– К шести освободишься?

– Надеюсь. Пока ничего не предвидится. Пошлю группу из новостей снять балетный номер. Что твои юные таланты собираются показать?

– Вальс цветов из «Щелкунчика» танцуют, и фрагмент из «Доктора Айболита». Большую передачу о конкурсе делать не собираетесь?

– Ты бы танцевала, обязательно запланировали. Возвращайся в театр, каждое твое выступление буду показывать. Хочешь, освобожу от книг стену, поставим зеркало от пола до потолка, перекладину, начнешь тренироваться и вернешь форму?

– Не перекладина, а станок, и не тренировки, а занятия, репетиции. О чем говоришь! У меня такой перерыв... В кордебалет не возьмут. Нет уж! Свое призвание нашла в работе с детьми. Сколько раз повторять: не будем на эту тему! Раз

решила, обратного пути нет.

– Ну и зря.

– Отвезешь на работу? По пути ко мне заглянем, переоденусь.

– Конечно. Только не зайду, подожду во дворе.

– Не хочешь с мамой встречаться?

– С утра выслушивать, что всё у нас не по-человечески, не хочется. Тем более, не я виноват. Третий год прошу: давай оформим отношения, и переезжай ко мне.

Майя встала, подошла к нему, обняла.

– Я еще не готова.

В начале их страстного романа Вадим почти уговорил выйти за него. В последнюю минуту Майя остановилась, вспомнила его репутацию ловеласа. Как ни пытался убедить, все в прошлом, уговорить не удалось, обещала подумать и думает почти три года. Вадим, убедившись, что более надежного спутника жизни не найти, не терял надежду. Со временем страсти несколько улеглись, а встречаться продолжали. Случалось, не виделись по неделе, чувства вспыхивали с новой силой, а еще через неделю опять отдалялись друг от друга. В промежутках у Вадима случались увлечения, Майю кто-то провожал, видели ее с мужчинами. И снова возникал бурный роман. В надежде, что когда-нибудь она придет навсегда, Вадим не забирал ключ от квартиры.

В расцвет любовной лихорадки, они пробовали жить вместе, и Майя поняла, для совместной жизни не подходят, а как

любовники и друзья – замечательная пара. Она приходила, когда хотела поплакаться, услышать сочувствие, посоветоваться. В подобных случаях идут к подруге, она находила утешение у Вадима, он всегда рад ей. Выслушает любой бред, даст совет. Вадик был ей и священником, и психиатром, отпускал грехи, снимал стресс, выводил из депрессии. Знала, исповедь останется тайной для всех. Уходила обычно успокоенная, в лучшем настроении, чем пришла.

Вадима любила, но не ощущала, готовой связать себя официальными обязательствами. Маме признавалась, если решится замуж, только за него. Лучше Вадима не найти.

Их отношения убедительно подтверждал старый анекдот, что недавно вспомнила мама. В анекдоте советских времен рассматривались варианты умственного интеллекта мужчины и женщины в браке. Времена нынче другие, но социальный статус семьи остался без изменения. Если женщина умна, а муж нет – рядовая советская семья; муж умен, жена – дура, в итоге мать одиночка. Если он и она не умны, жена мать – героиня, а уж если оба умные, большее, чем постель любовников, их не ждет. Так и у них с Вадимом. Сложившиеся отношения устраивали обоих.

3

Четвертый год Вадим Вихров, брюнет с баками и бородкой а la Хемингуэй, главный редактор региональной Государственной телерадиокомпании – ГТРК. До этого две пятилетки с длинным хвостиком работал репортером, комментатором, старшим редактором. Революционные перестройки в стране, продвинули в главные.

В былые годы на студии было два главных, в общественно – политическом вещании, где работал Вадим, и в художественном. Режиссером его программ была жена – Наташа. В те времена в Комитете насчитывалось десятка полтора редакций разного направления. Все они канули в прошлое с советской властью. Студия, бывшая филиалом Всесоюзного Комитета по телевидению и радиовещанию при областном Исполкоме, а на деле рупором обкома партии, теперь, хоть и сохранила в названии слово «Государственная», от него практически не зависела. Погоду делали губернская и городская администрации, скудно финансировавшие студию, спонсоры с рекламодателями.

Выживая в новых экономических условиях, на ГТРК провели резкое сокращение. У Вадима, как главного, остались три редакции: новостей, социальных проблем и музыкально – развлекательная. Главного режиссера тоже оставили одного на всё вещание. Теперь и разделения четкого не суще-

ствовало.

Долгое время главным режиссером был Алексей Одинцов. Он познакомил Вадима с Наташей. Она училась на режиссерском отделении телевидения в Ленинградском институте театра, музыки и кино, где и Алексей. Наташа очно, а Алексей оставить любимую работу на студии не мог, и учился заочно. Познакомились в библиотеке, где встречались очники и заочники. Общая любовь к телевидению сблизила, но дальше товарищеских отношений не зашло. У Алексея в тот год бурно развивался роман со студенткой консерватории Ольгой. В Ленинграде бывал урывками сдать один – два экзамена, показать свои работы мэтрам. Время пообщаться находилось только во время установочных лекций.

Вадим в те годы учился в МГУ. После четвертого курса Наташа выбила практику в Останкино, в редакции вещания на Москву. Здесь охотно брали сюжеты студентов факультета журналистики. Приносил свои сюжеты, снятые на студенческой студии, изредка и Вадим. Как-то Алексей, остановившись по пути домой, в Москве, вызвался пойти с ним на ЦТ, где у него много знакомых. Там друзья встретили Наташу, и Алексей познакомил их. Втроем просидели несколько часов в монтажной, Вадим начитал текст на свой ролик. Редактору сюжет понравился, и его поставили в ближайшую программу. Событие следовало отметить и зашли в забегаловку на Аргунова. Потом отправились на Казанский вокзал проводить Алексея. На обратном пути Вадим проводил Наташу

на Вавилова, где она жила в общежитии иностранных студентов, стажировавшихся на ЦТ. Две недели до конца Наташиной практики они встречались почти ежедневно.

Ему пришлось активнее сотрудничать с телевидением, чаще разгружать вагоны на Курском вокзале, чтобы иметь деньги на поездки в Ленинград. На выходные он теперь ездил к Наташе. Иногда она приезжала и тайком ночевала у него в общежитии. Следующим летом в Приволжье отпраздновали свадьбу. Тогда же и Алексей женился на Ольге Плетневой, принятой в труппу оперного театра.

Вадима и Наташу взяли на Приволжскую студию телевидения в редакцию экономики. Программ о промышленности, транспорте и строительстве, где долго никто не задерживался. С политической точки зрения, а значит, и начальства, самая важная после редакции пропаганды. В ее программах отражались задачи, поставленные партией и правительством. У зрителей эти передачи успехом никогда не пользовались, коллеги считали редакцию экономики самой бесперспективной в творческом плане. В программах нет места поискам и экспериментам.

– Одни цифры, железки и головы выступающих, – считал Алексей, жалел, что приятелей не взяли в литературно – драматическую, или, на худой конец, в редакцию народного творчества.

– Надеюсь, оба вы люди творческие, сумеете сделать программы смотримыми. Сергей Георгиевич Лапин не по-

ощряет семейственность, вас следовало назначить в разные редакции, а я верю, семейным дуэтом сумеете сделать больше, – напутствовал молодую пару предыдущий Председатель Областного Комитета по телевидению и радиовещанию.

Было это в далеком 1981 – м году. Первое время жили с родителями Вадима. Через год они разменяли большую квартиру «сталинку» и выделили молодым приличную однокомнатную в центре.

Около четырех лет прожили Вадим и Наташа в любви и согласии, оставаясь единомышленниками во всем. Скорее всего, и сегодня были бы вместе, не подружись с одним из героев своей передачи – итальянцем, приехавшим в Приволжск. Продолжили переписываться, и Наташе однажды пришла идея попросить Виторио – так звали итальянца, пригласить их на недельку – другую к себе. Очень хотелось увидеть сказочную Италию. Русские журналисты понравились Виторио, и он оформил документы, пригласил Вихровых месяц погостить у себя. Но семейные пары, тем более бездетные, в те годы не выпускали за «железный занавес». В ОБИРе разрешили воспользоваться приглашением кому-то одному. Вадим уступил жене. Италия ее пленила, а, влюбившись в одного из друзей Виторио, решила не возвращаться в «империю зла», как тогда с легкой руки американского президента, называли СССР западные газеты.

Вадим не считал Виторио виноватым. Не он увел Натку, а его приятель. Выходит, не настоящая была любовь, ес-

ли оставила ради случайно встреченного иностранца. Позже она скажет, это была не случайность, а встреча, предназначенная судьбой, ударом молнии, поразившим её. Счастливая, в те дни, она не думала о Вадиме, не вспоминала маму с папой, которых теряла вместе с Родиной.

Много воды унесла с той поры Волга в Каспийское море. Конкурентами двух общероссийских телевизионных программ в Приволжске, теперь стали еще пять местных дециметровых каналов частных телекомпаний, куда сбежала часть сотрудников, привлеченных высокими зарплатами. Жители губернии, хоть и ругали «вторую кнопку» – известно, нет пророков в своем отечестве, по-прежнему любили местных телезвезд из ГТРК. Многих знали в лицо. Знали всё про всех – кто у кого в любовниках или любовницах, кому стоит верить, а у кого язык, что флюгер. Вадим Вихров пользовался славой честного комментатора и ведущего, хотя вёл серьезные информационные и экономические передачи. На улице его узнавали, власти уважали во времена обкома партии, и теперь, при губернском правлении.

Алексей – режиссер, в кадре появлялся редко, его знала больше интеллектуальная часть зрителей. Знакомство с Виторио сыграло роковую роль и в его судьбе. Как и Вадим, он лишился жены, правда, не так романтично. Успехи на сцене вскружили Ольге голову, и, начав с безобидных флиртов, незаметно перешла к романам. Отношения с Алексеем начали портиться еще до приезда Виторио. Последней каплей,

переполнившей терпение Алексея, стала её связь с приезжим итальянцем, обладателем чудесного голоса. Как ни любил Алексей жену, простить измены не мог.

Едва в светской тусовке пошли первые слухи об интрижках Ольги в театре, Вадим попытался поговорить с другом, открыть глаза. Алексей прервал на полуслове и предложил обоим никогда не обсуждать жен. Позже и Алексей не комментировал бегство Наташи. С тех пор друзья обсуждали всё на свете, кроме своих жен.

Алексей развелся с Ольгой, сохранив многочисленные знакомства среди артистической богемы. Когда Вадим остался один, Алексей ввел в этот круг и его. Позже, к ним присоединился еще и Сергей, журналист областной официальной газеты. Его жена ушла к модному местному поэту. Свобода нравов, царившая в театральной среде и на телевидении, где большинство женщины, и женщины красивые, в любую минуту готовы утешить, обогреть интересного мужчину, приучили друзей к легким, не продолжительным связям.

Оставшись один, Вадим подвергся атакам одиноких женщин. Однако никто не мог заменить Наташу, сравниться с ней, пока не встретил Майю Ракитину. Бывшую приму – балерину местного Академического театра оперы и балета.

Вадим видел ее во всех спектаклях. Вместе с Наташей, потом с Алексеем, или очередной пассией, а лично знаком не был. Балет не входил в круг его журналистских интересов. В светских тусовках, завсегдатаями которых они с Алексеем стали, после развода с женами, Ракитина не участвовала. Когда Вадим познакомился и сблизился с Майей, она уже не танцевала, а перешла на работу в Союз театральных деятелей и руководила хореографической студией в заводском ДК.

Однажды, на передачу «круглого стола», Вадим пригласил председателя Правления местного отделения СТД. Тот подготовил тезисы выступления и оставил их в Правлении у консультантки. Вадим заехал за текстом, и впервые увидел Майю Ракитину лицом к лицу. Она поразила необыкновенной красотой, очаровала обходительностью с первой секунды.

– Совсем не похожи на своих героинь, которых помню по спектаклям. Не такая высокая и лицо... Почему вас нигде не видно?

– Какое лицо? – перебила она.

– Прекрасное, жизнерадостное. Не усталое, худое изможденное. У меня сложилось впечатление, что все балерины с длинными худыми лицами, вечно усталые. Даже если улыбка на лице, в глазах постоянная усталость.

– Интересно, с кем вы знакомы. В нашей труппе и солистки, и кордебалет – все красавицы, женщины симпатичные. Не помню длинных изможденных лиц. Может усталые, сразу после выступления?

– Возможно, не прав. Мнение составил по нескольким знакомым. Майя, вы не ответили, почему вас нигде не встречал раньше?

– В разных искусствах работаем. На всех премьерах, как правило, бываю. На банкеты остаюсь редко. Если имеете в виду после премьерные тусовки, разные выставки или демонстрации мод, – они не привлекают.

Вся Майина карьера прошла на сцене Приволжского театра. Танцевать начала, еще занимаясь в Пермском хореографическом училище, после окончания вступила в труппу Приволжского театра. Танцевала ведущие партии в «Эсмеральде», «Корсаре», «Жизели» и «Дон Кихоте». Газеты захлебывались от восторженных статей. Особенно после гастролей Приволжского театра в Москве, где Ракитину в партии Одетты – Одиллии высоко оценили столичные критики и балетоманы. Ей присвоили звание заслуженной артистки России.

Вблизи Майя оказалась самым совершенством. Правильные черты лица, зелено – голубые глаза. Длинные волосы трудно определить какого цвета – каштановые, с пепельным. Когда встала из-за стола и прошла по кабинету, Вадим не мог обратить взгляд от ее длинных стройных ног. О таких говорят – растут от ушей. Больше всего поразило общение. Разговорились о театральных премьерах.

Майя несколько раз видела его на телеэкране, но не выделила из общего сонма мелькающих лиц. Не смотрела местные разговорные передачи, в которых обычно участвовал Вихров. Вообще редко включала телевизор, если не театральная постановка или интересный фильм. Сразу и не вспомнила, где видела Вадима. Только, когда представился и заговорил.

Вадим ей понравился и даже заинтересовал. Заметила ему, что новый имидж – борода и бакены, под Хемингуэя, очень идут, делают серьезным, а рассуждения более убедительными.

Вадим рассмеялся.

– Без бороды, помните, был не убедителен?

– Мне так кажется.

– Приятель – режиссер и многие друзья издеваются над моей шевелюрой, требуют побриться и не превращаться в старика.

– Какой же вы старик!

Майя настолько понравилась, заставила биться сердце,

что Вадим с трудом удержался не пригласить на свидание. Вовремя сообразил, не следует форсировать события. Как опытный ловелас, понял, женщина, несмотря на прошлую звездность, осталась скромной, домашней, подход требует особый. Прощаясь, заметил, что рад знакомству, и, надеется еще встретиться, продолжить разговор.

Её тронуло, журналист, далекий от балета, помнит её партии, одинаково с ней оценивает последние спектакли в драме, многих общих знакомых.

– Город наш не такой уж большой. Как-нибудь обязательно пересечемся, – обещала она на прощание.

После этой встречи Вадим несколько дней ломал голову, как встретиться. Случай вскоре подвернулся. В Приволжск, разбирать дразги в местном драматическом театре, приехал Председатель Всероссийского Правления СТД Александр Калягин. Толя Воронцов, занимающийся культурой, в отъезде, а редактор не сумела уговорить Калягина на интервью. Вадим решил встретиться сам, попытаться убедить знаменитого актера дать интервью о состоянии современной театральной культуры.

«Разборками» Калягин занимался в Доме актера, и, приехав на встречу, Вадим увидел Майю. Поговорить не удалось, и Вадим рискнул предложить вечером встретиться в городском парке, продолжить разговор о театре. Майя согласилась.

В условленное место Вадим пришел рано и долго ждал.

Едва она вышла из троллейбуса, бросился навстречу. Снова был сражен.

«Столько романов, женщин! Но чтобы затмила Натку, потерял рассудок от одного вида её! Я должен был встретить её раньше Натки. Она предназначена мне судьбой! Эта стройная женщина в короткой темно-серой юбке и красном топике, с длинными, почти по пояс, волосами. Каблуки прибавляли ей рост. Женщина с обложки глянцевого журнала. Идет на свидание ко мне? Какое свидание – согласилась пообщаться на темы театра, заинтересовавшись, что пишу книгу, и мне интересен её взгляд изнутри театрального мира».

– Добрый вечер, – первой поздоровалась она. – Не опоздала?

– Что вы! Да я бы всю ночь простоял, ожидая.

Майя окинула его любопытным взглядом. Считала, что заинтересовала Вихрова, только как журналиста. О его любвеобильности тогда ничего не знала. Они ходили по аллеям, Майя рассказывала о балетных спектаклях, Вадим дополнял своими впечатлениями. Зашли в кафе – мороженое, взяли по бокалу шампанского, выпили за балет, за знакомство. Говорили о себе, перебивая друг друга. Обменялись телефонами, договорились через день встретиться, здесь же в парке.

На следующий день поздно вечером Майя неожиданно позвонила. Извинилась и сказала, что завтра встретиться не сможет. Забыла, что в филармонии вечером сольный концерт Ирины Богачевой, и обязана присутствовать. Вадим пе-

ребил.

– В чем проблема? Достану билеты, и пойдем вместе. Как на это смотришь? – Уже в первый вечер вместо «вы» Вадим часто называл ее на «ты», она продолжала на «вы».

Майя долго не отвечала, думала.

«Пойти с ним? Вадима все знают. Меня не все еще забыли. В филармонии встретим многих знакомых. Продемонстрировать свои отношения? Какие отношения? Пообщались вчера, кажется, понравились друг другу. Оба не юные и появление вместе предполагает...» Вадим прервал ее мысли.

– Майечка, вы слушаете?

«Назвал Маечкой. Кроме мамы и подруги Ольги никто так не называл. В конце концов, я взрослая самостоятельная женщина и могу пойти на вечер с любимым, кто мне интересен».

– Думаю.

– Всегда так долго? Я позвоню Якобсону, посадит в директорскую ложу.

– Где сесть, не проблема, я все – таки работаю в театральном союзе. – Она снова надолго замолчала.

– У тебя есть бой-френд, не желаешь светиться со мной на людях?

Ответила она сразу.

– Никого у меня нет и на свидания, кроме как с вами, не ходила с десятого класса. Вас весь город знает и стоит мне

появиться с вами, пойдут разговоры.

– А ты боишься?

– Не знаю.

– Зато я знаю. Завтра, за двадцать минут до начала концерта, жду тебя в фойе.

– А вас пустят? Билетов уже нет.

На следующий день, облачившись в черный торжественный костюм, Вадим ждал её в фойе. Увидел и опять обалдел от восторга. Показалось, женщины, такой совершенной красоты, еще не встречал.

Майя долго выбирала, что надеть, чтобы если не удивить, то произвести впечатление на Вадима. Темно-зеленое тонкого бархата вечернее платье с глубоким декольте, в котором можно пойти только в филармонию или театр. К платью приколола бриллиантовую брошь, на шею – такое же кольцо – наследство прабабушки, в ушах сережки из комплекта. В тон платью туфли на высоком каблуке.

«Только пройтись рядом с такой женщиной счастье», – подумал Вадим, направляясь навстречу.

Поздоровавшись, она взяла Вадима под руку и повела за собой.

– Рано пришли. Посидим пока в гостевой комнате.

Прошли через служебные двери за сцену, Майя открыла комнату и остановилась в нерешительности. В гостевой находился Викторов. Губернатор с супругой. Николай Абросимович увидел их, поднялся навстречу.

– Рад вас видеть, Майя Сергеевна, вы очаровательны. Прямо с императорского бала девятнадцатого века. Если бы не жена, – он показал на сидящую в кресле супругу, – увёл у Вадима Константиновича. – Затем повернулся к жене. – Лида, тебя знакомить не надо?

– Мы с Лидией Афанасьевной знакомы, – смущаясь, сказала Майя.

Лидия Афанасьевна встала, протянула руку Вадиму.

– Постоянно вижу на экране, теперь познакомимся.

Жена губернатора завела с Майей разговор о хореографической студии, губернатор расспрашивал Вадима о студийных делах.

Вадим не раз брал у него интервью, беседовал в студии, но так запросто, в неофициальной обстановке общаться не доводилось. Вскоре зашел директор филармонии и повел губернаторскую чету в свою ложу.

– Мы сядем в другую, – предупредила Майя, и повела Вадима через сцену, закрытую пока занавесом. – Думаю, будет не совсем удобно сидеть рядом.

– А мне, вероятно, по рангу не положено рядом с губернатором.

После концерта Майя с Вадимом недолго пообщались со знаменитой певицей, и он проводил Майю домой. Прощаясь, слегка обнял, поцеловал ручку, на большее не решился. С этого вечера у них завязался роман. Тянется он третий год и обоим устраивает. Для всех знакомых их отноше-

ния загадка. Что заставляло Майю прощать Вадиму его увлечения, о которых теперь узнавала? Подружки докладывали. Она и себе не могла ответить. Боялась остаться одна, потерять близкого друга? Вадик хорошо понимал её, умел выслушать и помочь выйти из сложной ситуации. Нужда иметь мужчину, готового по первому зову броситься на помощь. Да просто исправить электрическую розетку. Передвинуть мебель.

– Что я в тебе нашла? – Не раз спрашивала она в минуту близости, пытаясь найти ответ, оправдаться перед собой.

– Разве есть ответ на этот вечный вопрос? – отвечал Вадим.

– Есть! Как найду – оставлю тебя навсегда.

– Навсегда! Какое страшное слово. Веет безысходностью, смертью. Скажи лучше... Ничего не говори! Стоит ли ломать голову? – Нам с тобой хорошо и достаточно.

– Это уже пошло.

Он поцелуем останавливал дальнейшие выяснения отношений. Seriously их никогда не выясняли. Не слышал Вадим и пылких признаний в любви.

В начале знакомства Майе показалось, Вадим и есть тот единственный, кого ждала всю жизнь. По мере развития отношений, стала сомневаться. Оба оставались свободными в поведении. Он звонил, – она приходила, позже переборов себя, приходила без звонка.

Единственная из женщин, она понимала, почему Вадим

не постоянен, все ищет, ищет, никак не остановится. Всех женщин сравнивал со своей первой любовью, которая предала, и, конечно, не мог найти равноценную замену. В какой-то момент Майя поверила, что заменила Наташу, но ошиблась.

Росла Майя без отца единственным ребенком в старой интеллигентной семье с традиционной любовью к музыке и литературе, театру. Мать и бабушка водили в балетную студию, на музыку. Повзрослев, продолжала с удивлением смотрела на мир сквозь розовые очки. Знакомство с закулисной жизнью театрального мира, где в семнадцать лет её изнасиловал ведущий премьер, не научили жизни. Специалисты считали Майю перспективной балериной. Её Кити в «Дон Кихоте», Жизель, еще несколько ведущих партий вызывали восторги критиков, положительные отзывы столичных специалистов. Неумение противостоять интригам, царящим в труппе, наивная вера, что справедливость восторжествует, а ложиться в постель к дирижеру, хватать за глотку балетмейстера, требуя главной роли, не для неё, так укоренились, что не заметила, ведущих партий стали давать все меньше. А ведь на неё ставили спектакли!

– Не выдержала интриг, завистливых взглядов, шепота по углам, – объяснила свой уход из театра. – Упрашивали поработать в хореографической студии при театре. Уходить – так уходить. Взяла группу шестилеток в танцевальной студии профсоюзного Дворца культуры. Здесь никому не стою поперек дороги, отношения чище. Пригласили консультан-

том в STD.

– Скромность – путь в неизвестность, – как-то пошутил Вадим, Майя шутки не приняла. Как принять, когда у неё хранились десятки газетных вырезок, где её сравнивали с молодой Надеждой Павловой, прочили схожую карьеру. Она прервала ее, будучи в хорошей форме. Высокие требования к мужчинам обрекли на одиночество. В эти нелегкие дни встретила Вадима. У них нашлось много общего, и потянуло к нему. Вскоре поняла, он такой же конформист, как все вокруг. Профессия приучила к постоянным компромиссам и лицемерию.

Обидно слышать такую оценку от любимой женщины, но Вадим не обиделся.

– Тебя не обманывал. В своих программах никогда не вру. Даже в сложных ситуациях умудряюсь избегать неправды. Каюсь, отмалчиваюсь, когда по-настоящему надо бы закричать. Стараюсь избегать конфликтов, не отрицаю. Часто циничен. Жизнь заставляет. Но до прямого обмана никогда не опускался.

Как ребенок наивная, и порядочная как тургеневские девушки, ей бы и жить в неторопливом XIX веке. На баррикады, может, и не пошла, а в глухую деревню учительствовать поехала бы.

5

После выпуска новостей шла передача с участием директрисы брачного агентства, и Вадим задержался, послушать и поговорить с ней. Служба знакомств привлекала внимание одним из вариантов собрать разрозненные сюжеты в единое целое. В кабинет заглянул Алексей.

– Прочитал её текст – ничего полезного для нас.

– Я тоже читал, но поговорить не мешает. Торопишься? Вдруг брачная контора, все – таки, поможет найти ход. Посиди, дождемся директрисы. Заодно посмотрю новости в эфире, а то не удалось увидеть репетицию.

– Сегодня в театре Валентина Распономарева рассказала не хилую историю с эротикой. Вечером расшифрую и отредактирую.

Вадим перебил.

– Записал?

Алексей кивнул и показал на диктофон, который уже вынул из дипломата.

– Хочешь, включу, послушаем вместе, пока до директрисы очередь дойдет? Что-то подскажешь, прежде чем перенесу на бумагу.

– Горит? Включай. Новости начнутся – остановишь. Алексей включил диктофон.

– Только не спрашивай, о ком рассказываю, договори-

лись?

– Слово! Имена заменим. Рассказывай, диктофон включен, – послышался голос Алексея с магнитной пленки.

...Дочь Марины, соседки – разведенки, безумно влюбилась в одного шалопая. Молодые решили пожениться. Парень учился в институте и после первой сессии вылетел. На следующий год отец устроил в другой ВУЗ, тот же итог – выгнали. А Светочка, дочка Марины, только в одиннадцатый пошла. Уговоры Марины и отца, его специально вызвали вразумить дочь, не подействовали. Молодые подали заявление, соврали: невеста в положении. Возможно, отец Юрки, имеющий связи, замолвил слово, документы у молодых приняли, назначили испытательный срок. Родители жениха смирились, надеялись, после женитьбы сын перестанет шлаться по ночам, возьмется за ум и не препятствовали молодым. Марина, наученная горьким опытом, судила более трезво. Понимала, ничего хорошего из брака не получится. Первое время молодые сядут на шею родителям, а потом... Какой муж, Юрка! Избалованный ребенок, привыкший, что все желания родители беспрекословно выполняют. Сам в жизни копейки не заработал. Долго ломала голову, как отвадить Светку от парня, и нашла выход. Ни за что не догадаешься, что задумала.

– Извести парня. Пошла к колдунье, экстрасенсу, – вклинился голос Алексея.

– Не угадал.

– Решила отравить?

– В тюрьму сесть? Взялась охмурить и затащить к себе в постель.

– Кого?

– Юрку!

– Парнишку? Что-то подобное, помню, видел в кино. Все равно, рассказывай. Мать любимой, вероятно, казалась ему старухой, – снова голос Алексея перебил рассказчицу.

– Старуха? Видел бы старуху! Да она привлекательнее дочери выглядит! Светка – длинная худая дылда, ни бюста, ни фигуры, девчонка – подросток.

– Сколько лет соседке твоей?

– Лет тридцать пять, вероятно. Не понимаю, почему замуж не выходит. Красивая, с прекрасной фигурой, блондинка. Мужики на таких женщин падки. Они у нее и не переводятся. Постоянно меняет бой – френдов.

– Удалось, соблазнить жениха?

– Еще как! Зашли как-то молодые видео посмотреть. Марина нашла повод отправить дочь в магазин, а Юрочку уговорила посидеть с ней, посмотреть фильм, – Света все равно его видела. Завела разговор о сексе, был ли у них со Светой, знал ли женщину. Юрка все отрицал. Марина начала подсмеиваться над ним, как же после свадьбы ляжете, а у тебя опыта никого. Раздразнила парня, возбудила и пообещала открыть кое-какие секреты, если придет завтра, когда Света будет в школе.

Парнишка, конечно, прибежал. Встретила его в одном коротком халатике на голом теле, снова завела разговор об отношениях между мужчиной и женщиной. Спросила, а видел ли раздетую женщину? И не дождавшись ответа, распахнула халат, открыв парню свои прелести. Юрка был шокирован, покраснел, смотрел широко раскрытыми глазами, не в силах отвести взгляда, что-то произнести. Попросила и его раздеться. Смущенный, он продолжал стоять столбом. – Мне тебя раздевать? – спросила Марина и принялась расстегивать пуговицы на сорочке, приблизившись к нему вплотную. Короче, раздела и уложила, здесь же в гостиной. Заниматься любовью со зрелой женщиной, наверняка, Юрке доставило великое удовольствие. Забыл все на свете. Забыл, с минуту на минуту вернется из школы Света. Марина на это рассчитывала. Так и получилось. Светка застала мать со своим возлюбленным во время любовной утехы. Что было! Слезы, рыдания, проклятия матери и жениха, обещание утопиться.

– Марина сама все рассказала тебе? – снова слышится голос Алексея. – Ни стыда, ни совести.

– Ради счастья дочери, на что только не пойдешь!

– Прямо Александр Матросов. Валь, ты бы пошла на такой подвиг?

– У меня сын. Не задавай глупые вопросы.

– Главу можно будет назвать «Александр Матросов на любовном... Нет, на эротическом фронте», как?

– Глупо. Не звучит.

– У тебя с Мариной настолько откровенные отношения, что делитесь подобными историями? – не унимался Алексей.

– На одной площадке живем. Часто приходится денег в долг занять, лука, там, или морковки по-соседски, ну и делимся друг с другом.

– Понятно. Дальше что? Чем все закончилось – не помирились молодые?

– Нет. Свадьба расстроилась. Светочка долго переживала, не разговаривала с матерью. Хотела уйти к отцу в семью, там не приняли. Мать Юрки приходила к Марине узнавать, что поссорило молодых, и ничего не добилась. Родители пацана ничего и не поняли. Света стала лучше учиться. Пока женихалась, едва на тройки тянула, а тут пошли четверки и пятерки. Любовная лихорадка прошла, как и добивалась Марина. Света не простила мать. Марина надеется, поумнеет, – поймет и простит.

– Преподала мать урок! Аборт вашей Свете не понадобился?

– Надеюсь, нет.

– Спасибо, Валечка. Сомневаюсь, подойдет ли история для нашей книги. Похожий сюжет в каком-то фильме есть. Попроси соседку рассказать о своих мужиках. Для нас интереснее будет. Расколи её на свои приключения.

– Я не следователь, – Алексей выключил диктофон.

– Влияние американского кино. Как тебе, используем? – он повернулся к Вадиму.

– Если пропишешь образы молодых, взаимоотношения. Поднимешься от протокольного изложения к эмоциям. Валентина молодец, рассказывает, как заправский комментатор. До театра журналистикой не занималась?

– Насколько знаю, нет. Работа с текстами пьес приучила к лаконичности.

Раздался звонок внутреннего телефона. Вадим поколебался, брать ли трубку – рабочий день окончен, но взял. Звонила Гелла Мартова – журналистка издательства «Облпресс». Сегодня, после новостей и рекламного блока её очередь выходить в эфир с обзором завтрашних газет, печатающихся в издательском доме. Вадим видел её, познакомился с планом выступления, кое-что подсказал, вопросов не осталось.

– Какие проблемы? Кажется, все обговорили.

– Чуть не забыла важное. Вы с Алексеем Дмитричем, пожалуйста, дождитесь меня. Семен Николаевич Болдин просил поговорить.

– Твой бой – френд? Выкладывай.

Разговор обещал быть серьёзным, и Вадим пообещал дождаться.

– Гелла? – поинтересовался Алексей, услышав в трубке её звонкий голос.

– Собирается сообщить, нечто важное от своего любовни-

ка.

Просьба Геллы заинтриговала, любопытно, что могло понадобиться фармацевтическому королю. Болдин известен, как преуспевающий предприниматель. Удачно начал лекарственный бизнес в начале перестройки, сколотил фирму, торгующую медицинским оборудованием и лекарствами по всей губернии, потом и в соседних областях.

Начались новости, и Вадим, прибавив звук, уставился в экран.

– Извини, посмотрю новости, – сказал Вадим. – Кстати, закончил главу о бассейне?

Алексей кивнул, спрятал диктофон, достал из дипломата кипу машинописных листов и принялся читать, вычеркивая не понравившиеся фразы.

Зазвонил городской телефон. Вадим взял трубку, негромко выругался.

– И после работы найдут!

Звонила Лера – дочь Алексея, и Вадим передал ему трубку.

– Слушаю, дочурка. Спасибо. Все хорошо. Не только не напечатали, не дописали еще.

Дочка просила отца помочь. Отложила канадскую шубу и теперь пыталась раздобыть денег.

– Мама заняла у всех, у кого можно, и не хватает.

– Сколько? Ого! – удивился Алексей, услышав сумму. Дочь он любил, баловал, и отказать ни в чем не мог. – Хо-

рошо. Утром, как откроется сберкасса, съезжу. Самому привезти деньги?

– Ни! Мама ни в коем случае не должна знать. Скажу, у подружки заняла.

– Такую сумму? Могла бы и признаться. Хорошо, приезжай на студию после одиннадцати. Целую. Пожалуйста, слушайся маму.

– Часто дочка обращается к непутевому папе?

– Бывает.

К искусству голубого экрана Леша пристрастился после школьной экскурсии на телецентр. В пятом классе вместе со сверстницей вел передачу «Тимуровцы». В последних классах подрабатывал кабельмейстером – таскал кабель за камерами. Освоил работу оператора. На первую штатную должность взяли помощником режиссера. Название профессии звучит, для тех, кто не знает, чем занимается помощник, думает, как в кино помогает на съемках, подбирает актеров. На самом деле Алексей, вместе с другими помощницами – девчонками, ставил перед камерой художественные заставки, фотографии, ездил за реквизитом к передаче, копался в библиотеке, подыскивая заказанные режиссером материалы.

В восемнадцать ему позволили сидеть за режиссерским пультом на простых передачах в качестве ассистента, и он быстро освоил пульт. Вскоре разрешили самостоятельно выдавать в эфир несложные передачи, и Леша больше не тас-

кал перед камерами заставки. Не окончив еще заочно Ленинградский институт театра, музыки и кино, получил третью режиссерскую категорию и работал в новостях, несколько раз побывал на стажировке на ЦТ. Хороший вкус, музыкальное образование позволили Леше проявить себя в телевизионных постановках, адаптации театральных спектаклей для телевидения. Несколько спектаклей и фильмов поставил по заказу Центрального телевидения. Они получили дипломы на Всесоюзных фестивалях и показывались по ЦТ. Алексей Одинцов стал известен среди телевизионщиков России.

Трижды его назначали главным режиссером и столько же раз снимали, переводили в рядовые режиссеры. Наказывали за бескомпромиссность характера. Первый раз, не посоветовавшись с военным цензором, дал в эфир планы города и Волги, с крыши двенадцатиэтажного дома. Открывалась великолепная панорама, и лишать зрителей всего Советского Союза, передача транслировалась на ЦТ, возможности увидеть родной город во всей красе, не считал нужным. Понадеялся, цензор не посмотрит в эфире, но кто-то из сотрудников ЛИТО донес. Когда разобрались, планы не представляли никакого секрета. Военные цензоры не нашли крамолы, но порядок есть порядок, рекомендация представителя ЛИТО закон. Алексея отстранили от ведения передач, перевели в очередные режиссеры. Хорошо, не выгнали, на чем настаивало руководство этой всемогущественной организации под крылом КГБ, вспоминая прежние проделки Алексея. Вско-

ре со своим фильмом он поехал на Всесоюзный телевизионный фестиваль и привез первое место. Снова допустили к эфиру. В следующий раз члену ЦК КПСС, приехавшему в Приволжск встретиться с народом, показалось, режиссер специально показывал его не выигрышные крупные планы, подчеркивая длинный нос и расплывшуюся физиономию. Шла прямая передача на Союз. Просмотрев позже видеозапись, кремлевский небожитель рассвирепел, принялся кричать на Председателя, почему доверил ответственную передачу не профессионалу. Алексей возмутился. Он старался показать вождя, как можно приличнее. Вспылил и намекнул «на зеркало неча пенять, коль рожа крива». Опять Алексею пришлось перейти в рядовые режиссеры. Подоспела Перестройка, и его вернули на должность главного режиссера Приволжской ГРТК.

Недавно погорел в очередной раз. Записывая программу с главой администрации города, повздорил с мэром, высказал ему все, что о нем думает. Тот взбеленился и приказал председателю ГТРК убрать из главных режиссеров, а лучше уволить. Скворцов мог ограничиться очередным выговором, но послушался мэра. Постановочных передач теперь практически не было, и талант Одинцова не требовался. Но, губернатор на свои выступления, как, и на все важные передачи, с участием высоких гостей из Москвы, требовал Одинцова. Председателю ГТРК объяснить бы губернатору, что мэр приказал отстранить Алексея от эфира, но не решился. Испол-

няющей обязанности главного режиссера назначил посредственного режиссера из бывшей музыкальной редакции Эмму Ройтман. Со всеми серьезными вопросами, за советами, коллеги по привычке обращались к Алексею. И Председатель всё решал с ним. В итоге на студии сложилось режиссерское двоевластие.

6

Весь двадцатиминутный выпуск новостей прошел без накладок. Комментаторы не путали падежей, синоптик, рассказывая о погоде, склонение числительных, что не всегда удавалось. Главный редактор и режиссер остались довольны.

После рекламы на экране появилась Гелла. Осветители постарались выставить свет на неё, и Гелла смотрелась восхитительно, особенно, ослепительно прическа. Юное прекрасное лицо, манящие губы и родинка над ними, постоянная улыбка всегда смотрелись хорошо, как бы плохо не ставили свет. Сегодня что-то особенное. Гелла бойко пересказывала содержание обговоренных статей, к месту цитировала подчеркнутые маркером места.

На телевидении она считалась одной из первых красавиц. Мужская половина телезрителей без ума от неё, заваливали студию письмами, их ей чаще и не передавали, все равно не станет отвечать. Авторы требовали, чтобы Геллу показывали ежедневно, а не в очередь с Ритой, её коллегой по издательскому дому «Облпресс».

Гелла внештатница, колумнистка. Основная её работа – редактор, переводчица в книжном отделе издательства. В ГТРК достаточно журналистов, способных профессионально отрецензировать и выступить с обзором газет. Но наступило время шоуменов и куклоподобных длинно-

ногих красавиц, они все чаще заменяли журналистов, где и не требовалось. Председатель комитета желал идти в ногу со временем и с подачи издательского дома пустил в эфир их красоток – Геллу и Риту. Самому председателю телекомпании, как и зрителям, больше нравилась Гелла. Достаточно бойкая, отличная дикция, держалась в кадре непринужденно. Редакторам работать с ней легко, с правками и советами соглашалась безропотно, претензий к ней не имели.

Говорили о Гелле всякое. Что спала с генеральным директором издательского дома, а однажды провела уик-энд с председателем телекомпании. Да мало ли что могут наговорить завистники! Залюбовавшись ею с экрана, Алексей не сдержался.

– Красавица – бабёнка! За ночь, не знаю, что отдал бы!

– Вот именно, не знаешь. Ни тебе конкурировать с бумажником Болдина!

– Не всё решают деньги. Насколько, я понимаю, они для неё не главное. Болдин обаятельный мужик, уверен, нашла в нем что-то, чего мы не ведаем.

Историю их альянса друзья знали, она входила в число сюжетов будущей книги.

Гелла познакомилась с Семеном Николаевичем по газетному объявлению. Он искал красивую девушку, владеющую немецким и английским, для деловых поездок за границу. Претенденток, готовых стать и наложницами, откликнулось десятка три. Семен выбрал её, хотя первая поездка пред-

полагалась в Австрию и Германию, а у Геллы немецкий был вторым изучаемым языком. Тридцатипятилетнего бизнесмена покорили скромность и доброта, лучившаяся в её глазах. Он не ошибся, поездка выдалась на редкость удачной. Заключению выгодных контрактов не в малой степени способствовали присутствие двух очаровательных женщин – Геллы и его собственной жены Аллы. Алла повсюду сопровождала мужа, и не мешала Семену по – джентельменски относиться к переводчице, делать ей дорогие подарки.

Наконец Гелла закончила обзор газет, на экране появилась долгожданная Фаина Львовна. Приятели приготовились слушать, Вадим взял ручку, записать возникшие вопросы.

Распахнулась дверь и в комнату влетела Гелла.

– Алексей Дмитрич, как я выглядела?

– Как всегда, великолепно!

– Вы, что скажете, Вадим Константинович? Как говорила?

Ошибок не наделала.

– Всё нормально, – умерил ее восторги Вадим.

– С точки зрения режиссера выглядела, повторюсь, восхитительно и держалась хорошо. А что говорила, это по части Вадима. Красивыми женщинами люблюсь, а не слушаю. Надеюсь, после сегодняшнего явления народу, еще сотня молодых людей предложит руку и сердце. Нам с Вадимом остается лишь гордиться. В отличие от них, иногда лицеизрим живьем и даже можем подержать за ручку. – Он притянул ее руку, поцеловал. – Будь моложе, и я бы приударил.

– Ну, вас, Алексей Дмитрич, никогда не знаю, как относиться к вашим комплиентам, всегда вы... Я тороплюсь, господа – товарищи, слушайте внимательно. Да, не старую каргу, а меня! Семен Николаевич решил баллотироваться в мэры.

– Мы причем? Может метить хоть в будущие президенты России, – сказал Вадим. – Требуется наше одобрение?

– Желает с вами встретиться, пообщаться в неофициальной обстановке.

Болдин всего добился сам. В мир бизнеса пришел из научно – исследовательского института, где слыл перспективным ученым и великолепным организатором. Превращение старшего научного сотрудника НИИ, кандидата химических наук в бизнесмена прошло буднично и незаметно. Вовремя поусетился, использовал свои научные контакты с фармацевтическими предприятиями и областным аптекоуправлением. Когда другие жаловались на хаос в экономике и закрытие научных тем, Семен Николаевич стал владельцем нескольких городских аптек и солидного пакета акций фармацевтической фабрики. Заинтересовался политикой и прошел без особых трудностей в Областное законодательное собрание – Думу, ничего не потратив из своих капиталов.

Славился Болдин не только научными познаниями и широкой эрудицией, а также превосходным исполнением бардовских песен под гитару. Остроумный и галантный, нравился женщинам. Новые знакомые и окружение мужа шокиро-

вали жену, её не устраивали постоянные отлучки, деловые встречи. Воспитанная в интеллигентной профессорской семье, она не приняла перемены в их жизни и оставила Семёна Николаевича. Детей завести не успели и разошлись спокойно. Семён оставил жене прекрасную квартиру, себе купил новую на набережной с видом на Волгу. Один оставался не долго, через полгода его окольцевала эмэнэс Алла Андреева из аналитической лаборатории его же НИИ. Как и всё женское население института, она внимательно наблюдала за отношениями Семёна Николаевича с супругой, работавшей в их же коллективе, и вовремя воспользовалась ситуацией.

А Гелла, с первых дней работы с Болдиным, влюбилась. Он не походил на её ровесников дворовых ребят и однокурсников, что ухаживали за ней. Самоуверенный, знающий себе цену, он с уважением относился к ней, баловал подарками. Нашел дополнительный заработок, назначил литературным редактором своей газеты «Наше здоровье», которая выходила нерегулярно, состояла, в основном, из перепечаток, и не отрывала от основной работы. Подарил дорогую игрушку – переносной телефон сотовой связи. Их имели только директор издательства и Скворцов – председатель телерадиокомитета. Позже передал во временное пользование почти новые «Жигули». Несмотря на свою постоянную занятость, обучил навыкам практической езды, заставил окончить водительские курсы.

Дома у Геллы, когда узнали, что у дочери появилась машина, разразился скандал, едва не закончившийся её изгнанием. Мать с отцом долго не могли смириться, что дочь на содержании у богатого «нового русского».

Семен у Геллы не первый мужчина, и она без колебаний отдалась ему вовремя одной из командировок. Потребуй Гелла развода, Семен, возможно, развелся бы с Аллой, но она не спешила. «Все должно исходить от него, – сказала себе. – Время покажет, как быть дальше». – Пока и так все шло хорошо.

– Я правильно понял, Болдин хочет посоветоваться нами? – спросил Вадим.

– Мы еще от Ельцинских выборов не передохнули. – Алексей повернулся к Вадиму. – Ты что-нибудь слышал об очередных выборах? – Вадим покачал головой. – Болдин три раза передумает, когда вспомнит, как проходили последние выборы Ельцина или Собчака в Питере, с кем предстоит бороться.

– Меня попросил помочь встретиться с вами. Ему необходимы единомышленники, доверенные лица, советники, имиджмейкеры. Семен Николаевич приглашает обсудить возможности сотрудничества.

– Какая честь! В ресторан? В клуб? – спросил Алексей.

– В баню не пойдем, – прибавил Вадим.

– При чем баня? – На квартиру приглашает. Послезавтра, я проведу обзор газет, и отвезу вас к нему.

– Я пока не слышал, что надвигаются очередные выборы. Кого еще Болдин приглашает? Побороться с нынешним мэром для нас дело чести, выражаясь высоким слогом. Но если надеется, примем участие в каких-то махинациях, зря. Своим именем дорожу. Вадима вся область в лицо знает. Портить свои реноме, ни за какие деньги не станем, так, Вадим?

– Будем думать, – согласился Вадим, – пока ничего не обещаю.

– Вы не знаете Семена Николаевича! Он очень порядочный. Подумайте, – нетерпеливо перебила Гелла. – Хорошо заплатит. Соглашайтесь!

– Торопишься? Иди. Мы с Алексеем подумаем, я позволю. Сейчас не мешай, должны послушать, что вещает старая карга, как ты её назвала.

– Не долго думайте, Болдин ждет послезавтра в семь тридцать. До послезавтра! – махнула рукой, хлопнула дверью, и побежала.

– Мне кажется, он не очень понимает, что такое современные выборные технологии, если зовет советоваться провинциальных журналистов. Ему нужны опытные политтехнологи. И деньги... Много денег. Тысячи, а может и миллионы, – вернулся к предложению Геллы Алексей.

– Не в Госдуму собирается, а в мэры провинциального города, – заметил Вадим. – К тому же, у него есть опыт участия в выборах в областную Думу. Мы, знакомые с областными проблемами, можем быть ему полезны. Встретиться, пооб-

щаться, конечно, можно. Не каждый день нас приглашают миллионеры.

– Слушай! – осенило Алексея, – удача плывет в руки! Он оплатит издание нашей книги!

– Не знаем, что от нас ждет. Предложит каждый день себя любимого показывать.

– Не дурак, мозолить глаза зрителям. Пожелает часто мелькать – заплатит за эфир. Скворцов не откажет, и Анисимова не послушается.

Участие в выборных кампаниях для друзей дело знакомое. Начиная с первых альтернативных выборов давало выход фантазиям, приносило приличный приработок. Но с каждым разом они принимали все более скандальный характер. Участие в выборной вакханалии не прибавляло авторитета её организаторам.

Гелла привезла Вадима с Алексеем к подъезду, поднялась с ними на этаж и позвонила. За дверью послышалось движение, посмотрели в глазок и, узнав Геллу, дверь открыли. Встретил журналистов здоровенный детина, кого принято называть шкафом, с традиционной короткой стрижкой, в приличной упаковке – черном шикарном костюме и белой рубашке с галстуком, сдавливающим бычью шею.

– Принимай гостей, Коля, – сказала Гелла и повернулась к выходу.

– А ты? Бросаешь одних, – успел проговорить Алексей, охранник уже запирает дверь.

– Разговор мужской, – проговорил шкаф и повел парней в гостиную. Навстречу вышел Болдин и моложавый мужчина, лет пятидесяти, еврейской наружности.

Семен протянул руку.

– Рад познакомиться. С вами, Вадим, встречались, теперь имею честь принять у себя. – Пожав руку Вадиму, протянул руку Алексею. – Семен Николаевич Болдин. – Вы Алексей Дмитриевич. Гелла представила вас, как самого талантливого режиссера не только губернского, а всего отечественного телевидения.

– Преувеличила, – заметил Алексей, улыбнувшись.

– Все примерно одного возраста и, если не возражаете, да-

вайте без отчеств, и на «ты», – предложил Семен, ребята согласились. – Мой первый зам и помощник – экономический мозг фирмы – Зиновий Кацман.

Экономист пожал гостям руки. Семен пригласил всех сесть.

– Что будете пить? Виски, джин, сок.

– Мне соку, – сказал Вадим.

– А пива можно?

– Конечно.

Семен открыл бар – холодильник, достал банки с соком и пивом, передал парням.

– Скоро будет обед. Вы прямо с работы, думаю, не возражаете перекусить. За обедом и поговорим. Вика постаралась к нашей встрече.

Пока пили сок и пиво, осмотрели комнату. Сервант с недорогой посудой, бар – холодильник, музыкальный центр, телевизор с видеоманитофоном, огромный овальный стол в центре комнаты, два кресла, в которых они сидели, несколько стульев. Охранника в комнате не было, панибратства здесь не допускали.

Семен с Зиновием придвинули свои стулья поближе к гостям.

– Скромная обстановка? – спросил Семен, заметив оценивающие взгляды гостей. – Я здесь не живу. Квартиру снимаю для деловых встреч. – Подумав, улыбнулся и прибавил. – И для свиданий. Все это не существенно, впрочем. Гелла го-

ворила, хочу пригласить вас в свою команду в избирательной кампании?

– Сказала. Не совсем представляем свои роли. Выборы еще не назначили и состоятся ли в этом году, вопрос, – начал Вадим разговор, ради которого пришли.

Выборы в первые годы перестройки сыпались друг за другом, и наибольшее число заявок на рекламные видеоролики поступали на государственные каналы, к профессионалам. Участвуя в съемках выборных роликов, Алексей и Вадим набили руку. Работа нравилась возможностью безгранично фантазировать. Но одно дело придумывать и снимать рекламные сюжеты, и совсем другое участие в команде.

– Мне сказали, из любого будничного события, ты сумеешь создать художественное полотно, – обратился Болдин к Алексею.

– Короче, если не очень красиво выразиться, из говна сделать конфетку, – подал голос, молчавший, Зиновий. – В этом нам видится роль режиссера.

Алексей рассмеялся.

– Очень образно определили мою роль. Но если событие, факт, действительно говно, я ничего не сделаю.

– Зиновий имел в виду роль режиссера в общем проведении кампании. Режиссер может оказать неоценимую услугу. Полезнее, чем рекомендации политических имиджмейкеров, – поддержал Зиновия Вадим. – Ты понадобишься при публичных выступлениях, в киносъемках.

В этот момент дверь в комнату бесшумно открылась, и симпатичная девушка вкатила сервировочный столик, заставленный десятком тарелочек с закусками. У наших парней, при виде экстравагантной одежды вошедшей, челюсти отвисли от изумления. На девушке только спереди был легкий фартучек, белые перчатки, на длинных ногах туфли на высоком каблуке. Больше ничего, заметили они, когда служанка повернулась. Она, не обращая ни на кого внимания, переставила тарелки на стол и медленно укатила столик, сверкая голой попой. Двигалась торжественно, величаво несла чистую, без единой родинки, ровную спину, узкую талию, медленно переставляла ноги.

«Такой крале место на подиуме стриптиз – клуба, если не в престижном Доме моделей, а не в прислугах. Любопытно, чем привлек Семен», – подумал Алексей, заинтригованный девушкой нувориша. Как и Вадим, он бывал в разных домах, и у раскрепощенной богемы, и у новых русских, но голой служанки, прислуживающей за столом, встречать не довелось. Заметив смущение гостей, Семен пояснил.

– Ей так удобнее. Поверьте, не моя прихоть. Вероника сама предложила такую форму. Не подумайте, желаю похвастать перед гостями. Как пишут, в модных журналах, голая прислуга – крик моды.

– А как быть мужикам, которые не могут не возбудиться, увидев её? – нарушил затянувшуюся паузу Вадим.

– Учиться контролировать свои инстинкты.

– Удивили, Семен Николаевич, удивили! О причудах новых русских наслышан, но чтобы прислуга ходила нагишом! – оправившись от шока, заговорил Алексей. – Будущего мэра не украсит. И электорат не поймет, если пронюхает.

– Во – первых, себя к новым русским не причисляю, потом, Вероника не вечно будет у меня. Помните, как совсем недавно мы негодовали по поводу живой рекламы на загнивающем Западе? До чего надо довести человека, чтобы согласился стать ходячей рекламой, облачившись в маскарадный костюм обезьяны или медведя, – кричали партийные агитаторы. Сегодня, став новыми хозяевами жизни, они еще страшнее эксплуатируют тех, кого не так давно учили «кодексу строителя коммунизма». Я не уговаривал Веронику. Вы любуетесь мраморными статуями великолепных созданий в музеях, парках Версаля, в Эрмитаже. Воспринимаете нормально. Почему я дома не могу созерцать живую красоту?

– Извините, Семен, за откровенность, вы не голубой? – не выдержал Вадим.

– Нормальной ориентации. Самый настоящий мужик. Жена молодая, любовница прелестная. Сколько людей до вас в доме перебивало, – никому в голову не пришло спросить.

Вероника, как звали служанку, тем временем вкатила еще раз столик с закусками и знаками пригласила Семена к столу.

Встретившись с ней взглядом, Алексей улыбнулся, подумал, пообщаться бы, вызвать на откровенный разговор.

Сюжет для новеллы прелюбопытный получится. Вероника на улыбку не ответила.

Стол ломился от разных закусок и салатов. Черная и красная икра, семга, балык, мясной рулет, разные овощи.

– Будет еще горячее, – заметил Зиновий и принялся разливать водку. – Мы с Семеном обратили внимание, программы вашего дуэта всегда интересно выстроены драматургически. Умеете навязать свою точку зрения, действуя не в лоб. Важное достоинство в пропагандистской кампании. Надеюсь, работая с нами, придумаете массу гэгов, как ваши коллеги кинематографисты, называют прием ошарашить зрителя или слушателя. Для раскрутки Семена, необходимо придумать неожиданное начало и уже в развитие разные популистские акции.

– Некоторая скандальность в ходе избирательной кампании не повредит, я считаю, – прибавил Семен.

– Но, в любом случае продемонстрировано уважение к будущему избирателю, – заметил Вадим.

– За знакомство и будущее содружество, – предложил Семен. Все выпили и принялись за еду. – Мы решили не приглашать на первый этап раскрутки московских или питерских профессионалов, а пригласить своих, хорошо знающих специфику города и менталитет жителей – будущих избирателей. Опыт, участие в выборах в Областное Законодательное собрание, показал, приезжие «технологии – профессионалы» учились по тем же источникам и рекомендациям, ко-

которые может прочитать любой. Создавали их еще во времена первых в стране выборов. Успех обеспечат только нестандартные шаги, которым книги не научат.

– Не переоцениваете вы наши таланты и возможности? – остановил Семена Алексей.

– Думаю, нет. Мы с женой и Зиновием, давно присматриваемся к местным журналистам, советовались с друзьями, которые чаще смотрят телевизор. В подготовительный период, думаю, по тысяче баксов в месяц устроит? Плюс на дополнительные расходы, когда потребуются, – заключил будущий кандидат в мэры.

Друзья переглянулись. Таких гонораров не ожидали. На эти деньги можно будет издать не одну книжку, было бы что издавать. Они знали, в столице журналистам платят в десять раз больше, но за сомнительные услуги. Ничего, что расходуется с моралью, им пока не предложили.

– Считаю, гонорар достойный, – проговорил Алексей. – Отказываться глупо. Как я понимаю, Вадим будет придумывать и отвечать за тексты, содержание выступлений, а за мной картинка, то есть твой внешний вид, имидж в кадре и на улице, на встречах с электоратом.

– В принципе, так.

– Начнем тогда с будущего пресс-релиза вашей деятельности, – приступил к делу Вадим. – Для начала нам необходимо знать вашу подробную биографию, научную деятельность, как оказались в бизнесе. Это для нас, как говорится,

для внутреннего потребления, а не для печати.

– Нам расскажете все откровенно, как на исповеди, а мы с Вадимом откорректируем, что стоит знать будущим избирателям, что оставить в тени, – поддержал товарища Алексей.

– Договорились же говорить «ты», – заметил Семен.

– Главное, откровенно, как на духу, – не обратив внимания на реплику Болдина, продолжал Алексей. – Мы, как исповедники, должны знать все твои слабые места, на которые обрушатся конкуренты, раскопав что-то. А уж биографию твою проанализируют с лупой, будь уверен. Мы должны будем подготовить убедительный ответ на любой выпад.

Семен согласился и обещал снова встретиться для беседы – исповеди, а пока за итальянским вермутом и холодными закусками, в ожидании горячего блюда, журналисты развернули свою программу на первый этап. В новостях Семен даст интервью о новых отечественных препаратах, которые появились на прилавках аптек. Не как рекламу, а добрый совет специалиста, беспокоящегося за кошельки сограждан. С Вадимом подумают о проблемном выступлении. Зиновий поможет привлечь внимание областной прессы. Предложили взять в команду еще своего приятеля Сергея Волкова из «Приволжской правды».

– В газетах есть свои люди, – сказал Зиновий. – Серезу, кстати, имел в виду. Приглашу обязательно. Газетчики вместе с вами должны будут организовать статью Болдина о без-

дарности местной администрации.

Вадим с Алексеем согласились, наступление на Анисимова необходимо начать, не ожидая открытия выборной кампании. Любые недостатки в решении городских проблем легко связать с деятельностью администрации и лично мэра.

– Вызовем отклики читателей на публикации газет, наши сюжеты. Затем, комментируя письма читателей, высказывания телезрителей, Болдин расскажет, что следует сделать для улучшения жизни простых людей, будь у него в руках власть. О планах выдвижения в мэры до поры до времени – ни слова.

– Семен подарит лекарства детскому дому. Этот момент покажем по ТВ, коллеги осветят в газетах. Затем помощь пенсионерке. Следует устроить бесплатный обед для бездомных.

– Следует уговорить владельцев рекламных биллбордов и постеров, в многолюдных местах, временно продать их нам. До официального открытия кампании заполним их социальными плакатами, картинками с короткими тексточками типа «Люби свой город!», «Оставь дома плохое настроение!», «Позвони родителям!» и другими, над которыми следует подумать. С открытием избирательной кампании, заменим портретами Семена и его программой. Когда команды других кандидатов увидят, популярные рекламные точки окажутся в наших руках.

– Завтра же займусь этим, – согласился Семен.

Алексей предложил немедленно изменить прическу,

отрастить волосы, сменить «Хаммер» на более дешевую машину. Сократить посещение ночных клубов, обязательно появляться на всех театральных премьерах, где телевидение лишний раз покажет ненароком, а где-то, как у рядового зрителя возьмут интервью.

Семен с восторгом встретил программу ребят.

– Признаться, не ожидал. Экспромтом предложили столько идей, которые мне и в голову не приходили. Все замечательно!

Подняли бокалы за исполнение планов в жизнь. Менять «Хаммер» Семен категорически отказался, хотя и признал довод убедительным. Пообещал изменить прическу, посещать премьеры и вернисажи. В общих чертах предварительный план кампании и первые наброски выхода Семена в люди, сложились. Ничего, что нарушало бы нравственные устои журналистов, в эти планы не входило.

8

В обеденное время, когда Вадим собирался в столовую, зазвонил городской телефон. Какая-то внутренняя сила заставила поднять трубку. Предчувствие не обмануло. Звонила Майя.

– Вадик, привет!

– Привет, любимая! Здравствуй, моё солнышко!

– Хочу воспользоваться знакомством на телевидении.

Можно к тебе с личной просьбой?

– Конечно! Любопытно. Никогда ни о чем не просила.

Майя рассказала, что дирекция Дома культуры, где она ведет хореографическую студию, намерена закрыть её, как не рентабельную, или родителям втрое повысить плату. От имени родителей просила повлиять на руководство ДК или завком машиностроительного завода, поискать другой вариант.

– Не представляешь, какие талантливые ребяташки у нас занимаются! В основном дети заводчан. Жаль, если закроют студию.

Работа в студии позволяла Майе чувствовать принадлежность к балету, приобщая детей к искусству, которому отдавала больше двадцати лет. Подающих надежды детишек удавалось пристраивать в студию при театре. Они уже появляются в массовках, и наверняка, свяжут жизнь с балетом.

– Я пришлю группу, снимем занятие студии, ты расскажешь о проблемах.

– Без меня нельзя? Корреспондент все объяснит.

– Должна сама. Убедительнее. Начальство и зрители тебя помнят, любят. Расскажешь, обратишься к руководству завода, к спонсорам.

– На завод десять раз обращались и я, и директор ДК. Никакой реакции.

– Приезжай вечером, помогу составить короткий и емкий текст, завтра скажешь на камеру.

– Что сказать, соображу, а прийти постараюсь... – Майя помолчала. – Но не текст писать. Соскучилась.

– Я еще больше. Правда, придешь сегодня? С утра собирался позвонить, да постоянно отвлекают. Хорошо, что позвонила.

– Вчера была у тебя и успела соскучиться. Целую.

– Я еще крепче, – успел сказать Вадим, в трубке пошли гудки. – Он положил трубку, подумал, и набрал телефон председателя завкома машиностроительного завода.

Он узнал Вадима по голосу.

– Здравствуйте, Вадим Константинович, рад слышать. Забыли нас. Когда в последний раз были на заводе?

– На прошлой неделе прошел сюжет о ваших контактах с немцами.

– Только сенсации да иностранцы вас нынче интересуют. Вспомни старые добрые времена, я еще начальником

цеха был, ты приезжал, и мы ходили по цеху, знакомились с людьми, говорили о заводских проблемах? Снимал очерки о передовых рабочих.

– Не только о рабочих, людях у станка, на колхозной ферме, за штурвалом авиалайнера. Скучаю по дням, когда большую часть времени проводил на заводах и строительных площадках, а не на презентациях, пресс – конференциях и в кабинетах. Всё изменилось в средствах массовой информации. Вот и показываем мексиканские сериалы, а не заводскую жизнь. Экономике уделяли внимания много, а оказалась она несостоятельной, раз так легко рассыпалась. Леонид Александрович, я ведь с проблемой, с жалобой, как раньше называлось.

– С жалобой? Давно телевидение не обращается в завком. Даже за льготными путевками, которые теперь на вес золота.

– Леонид Александрович, помогите хореографической студии вашего Дворца культуры. Талантливые дети занимаются. Будущие народные артисты, а директор собирается закрыть. Не рентабельная.

– Знал бы, каким тяжелым бременем на заводском бюджете висит ДК! Как ни уговариваем город забрать у нас Дворец, – не берут, и продать не позволяют. Фойе и коридоры сдаем торгашам, и все равно концы с концами не сходятся. Приходится сокращать студии, кружки, увольнять воспитателей и педагогов.

– Леонид Александрович, вы ведь любите балет!

– Решил, больше чем студию юных художников или кружок авиамоделирования? Денег ни на что нет. Будем решать. Больше балетная студия интересует, потому что зазноба руководит ею? Завтра на эту тему у меня разговор с Генеральным.

– Могу успокоить родителей студийцев, что не закроете?

– Постараюсь уговорить Совет Директоров оставить детские секции хотя бы еще до летних каникул.

Вадим, довольный ответом председателя завкома, сразу же перезвонил обрадовать Майю, предупредил, что завтрашнее интервью все же нужно сделать для подкрепления позиции.

Мэр вторую неделю отсутствовал в городе – отдыхал, или находился в служебной командировке за границей. Он так часто выезжал за рубеж, что не всегда уследишь – в городе или в отъезде. Пребывание Анисимова на посту градоначальника приближалось к концу. Во властных кругах поговаривали, что после возвращения решится вопрос о начале избирательной кампании. Тем временем Зиновий узнал, что из замов Анисимова никто на его место не метит. Сам Анисимов пока колеблется. Из областной администрации тоже высовываться никто не собирается. Появились слухи, не прочь занять место мэра Андрей Борисович Никонов, бывший директор нефтеперерабатывающего завода, подвигающийся в «Газпроме» в Москве, и местный молодой бизнесмен Лукин.

Официально о приближающихся выборах вслух не говорили. Журналисты, взявшиеся помогать Болдину, тем временем собирали досье на Анисимова и окружение, от кого можно было ждать неприятностей. Из газетчиков официально на Болдина работал один Сергей Волков. Он контактировал еще с несколькими журналистами, не обремененными высокими моральными принципами. Их пока не посвящали на кого работают.

Возвратившись из очередной командировки, Анисимов

собрал в Доме журналиста пресс-конференцию. Пока телевизионщики устанавливали свет и микрофоны, руководительница пресс-центра городской администрации Галина Скоробогатова сообщила собравшимся, что поездка выдалась удачной и подтолкнула Анисимова принять, наконец, решение – выдвинуться на следующий срок.

– Уверены, избиратели поддержат? – спросил кто-то из газетчиков.

– Если не он, то кто? Кто продолжит преобразования, начатые Владимиром Антоновичем? Коней на переправе не меняют, – самоуверенно заметила пресс-секретарь мэра. – Надеется, поддержите его.

Дверь позади стола президиума открылась, в зал вошел Анисимов, сел рядом со Скоробогатовой. Народ в зале зашелестел бумагами, кто-то бросился к столу устанавливать диктофоны.

– Уже рассказала! Я же просил! – негромко выговорил он Галине, услышав последние слова о своем решении, и обратился к журналистам:

– Рад видеть знакомые лица, здравствуйте! Вначале, если согласны, расскажу в общих чертах о цели и результатах поездки, затем отвечу на вопросы.

Анисимов перечислил немецкие города, фирмы, с представителями которых встречался, назвал цифры ожидаемых инвестиций, сообщил о предстоящем визите бизнесменов из Франкфурта и Берлина. Пригретые мэром журналисты

посыпали вопросами общего содержания, и, Анисимов, довольный собою, отвечал. Все шло чинно, в заведенных обычаях. Скоробогатова представляла журналиста, задавался традиционный вопрос, и мэр охотно отвечал. Но вот корреспондент коммерческой радиостанции спросил, а считал ли Анисимов, какой это по счету его визит за рубеж. Мэр на секунду смутился, затем ответил, что не помнит – седьмой или восьмой. Итоги каждой поездки – выгодные контракты и инвестиции.

– Задавайте, пожалуйста, вопросы по существу, – вступилась за шефа Галина.

– По существу, – поднялся корреспондент телестудии «Аврора» Гриша Балаян. – Новые инвестиции – хорошо, почему нет реальной отдачи от них? Пятый год идет строительство онкологического центра, а дальше третьего этажа коробки, дело не продвинулось. Планировали сдать его еще три года назад. Немцы обещали помочь с реконструкцией трамвайного депо, – результатов не видно.

– Балаян, задавай вопрос, а не комментируй, – воскликнула Галина.

– Что касается онкологического центра, – там просели фундаменты. Геологические изыскания проводились в большой спешке. Пришлось переделать огромный объем работ, отпущенных средств, естественно, не хватило. Работы возобновились и через два года онкоцентр сдадим. Трамваи ремонтируются, идет реконструкция путей. Повода для песси-

мизма не вижу, – ответил мэр.

– Город набрал долгов, – двум поколениям не рассчитать-ся! – оставил за собой последнее слово Балаян.

– Больше долгов – больше уверенности, что спишут. Ельцин позволил брать займы у иностранцев, не советуясь с центром, – с места громко заметила Хворостова со второго Государственного телеканала.

– Не займы, а инвестиции, – ответила ей Галина, с под-сказки Анисимова.

Анисимов внимательно посмотрел на девушку, шепотом спросил Галины кто это.

– Не мешай! – толкнула Хворостову в бок коллега из городской газеты.

– Владимир Антонович, а что из нашей продукции предложили немцам? – спросил Сергей Волков из «Приволжской правды».

– Немецкий рынок перенасыщен и все же удалось заключить контракты на покупку нескольких видов продукции нашего ликероводочного комбината и фосфорные химические удобрения. Правда, немцы еще доведут их до своего стандарта. Со мной ездили представители нескольких промышленных компаний, подписаны договоры о намерениях, продолжатся контакты между родственными предприятиями. Считаю, поездка окупила себя.

– Ваша пресс – секретарь заявила, вы собираетесь баллотироваться в мэры на следующий срок, это правда? – спро-

сила Хворостова.

Анисимов улыбнулся.

– Человек предполагает, Бог располагает. Не будем пока поднимать эту тему. Время покажет.

– Но вы не исключаете?

– Сегодня преждевременно говорить. Отложим эту тему, – сказал мэр, и поднялся. – И, пожалуйста, сегодня ни о выборах, ни о моем участии ничего не пишите. – Он сердито посмотрел на Скоробогатову и взглядом показал «пошли»! Анисимов быстро юркнул в дверь позади президиума, лишив журналистов обычной возможности пообщаться в более непринужденной обстановке. За ним спешно покинула конференц-зал и Скоробогатова, предоставив оставшимся решать, накажет ли её Анисимов за излишнюю откровенность.

– Влетит Галине! – шушукались журналисты, разбирая со стола свои диктофоны.

Как журналистка, Галина Скоробогатова слаба, но в организации всевозможных кампаний, починов и умения угодить начальству, равных ей не сыскать. Скворцов заметил ее в многотиражке на комбинате, где был секретарем парткома, взял с собой в горком. Говорили – его любовница, теперь считают любовницей Анисимова. В горкоме Галина научилась писать доклады, вполне удовлетворяющие партийным требованиям. Вместе с шефом перешла на телевидение, он назначил её старшим редактором отдела пропаган-

ды. Вскоре, избрали секретарем партийной организации телерадиокомитета, и Скоробогатова занялась всевозможными конфликтами и персональными делами, часто возникавшими её же усилиями. Как старший редактор, портила нервы трем своим подчиненным редакторам, никаких ярких передач не сделала. Любила красоваться в кадре, беседа с представителями власти, заводила нужные знакомства. Подружилась с замом председателями горисполкома Володей Анисимовым. Со временем он стал мэром. С началом Перестройки при каждой мало-мальски серьезной организации стало модой открывать, не известные раньше, пресс-службы и центры по связям с общественностью. Анисимов пригласил Галину возглавить свой пресс – центр. Она с радостью приняла приглашение, понимая, на телевидении наступают новые времена и одной преданности Председателю мало. Необходим талант, умение хорошо писать, умно говорить в кадре.

Больше всех осталась недовольна пресс – конференцией мэра Люда Хворостова. Вихров просил записать с мэром эксклюзив о поездке в Германию или уговорить приехать в студию. Люда попросила помощи у Галины, та сослалась на занятость Анисимова, и к нему не допустила.

Сенсацией в вечернем выпуске новостей Хворостова сделала решение мэра остаться градоначальником еще один срок. Сюжет в эфире еще не закончился, как в квартире Председателя телекомпании раздался звонок из Администрации.

– Будете говорить с Владимиром Антоновичем, – предупредил мужской голос, Скворцов узнал помощника.

– Георгий Петрович, откуда информация, что собираюсь выдвигаться на следующий срок? Было официальное заявление? Присылаешь девчонок, они и несут отсебятину.

Скворцов старался оправдаться.

– Доверились молодой журналистке, которая ходила на пресс-конференцию, – объяснил он, и заверил, что накажет за непроверенные факты. Чтобы умерить гнев начальства, польстил мэру. – Народ будет приветствовать такое решение, Владимир Антонович! – Последнее смягчило гнев Анисимова, и он более миролюбиво заметил:

– Всему свое время. Журналистку накажи, и больше ко мне не посылай! – Не попрощавшись, положил трубку.

Утром, заплаканная Людмила пришла в кабинет Вадима.

– Вадим Константинович, что делается! Я рассказала все, как было, сослалась на Скоробогатову, а Скворцов – выговор за искажение фактов.

– Объяснил, за что?

– Кто, Скворцов? Уехал в областную Администрацию. Приказ на Доске увидела.

Вадим был уже в курсе, и в душе клял слабохарактерного Председателя, подобострастно поспешившего оправдаться перед начальством. Пообещал Людмиле поговорить со Скворцовым, успокоил, что приказ лишь для отвода глаз, через день о нем забудут. В компенсацию, невинно постра-

давшей, подготовит приказ – благодарность за ближайший ответственный сюжет. Ушла Хворостова успокоенной, так и не поняв, за что наказали. В своем репортаже ссылалась на пресс – секретаря. Вадим набрал номер сотового телефона Болдина и рассказал ему.

– Был уверен, Анисимов не уйдет. Заставим отчитаться за все не выполненные обещания! За состояние городского хозяйства, коррупцию чиновников и отсутствие четкой перспективы развития города.

После обеда, как Председатель появился на студии, Вадим зашел выяснить, на каком основании объявлен выговор Хворостовой.

– Переверла факты. Владимир Антонович еще не заявлял о своем желании выдвинуться на следующий срок.

– Вы смотрели эфир? Сказано было, заявила это пресс-секретарь Анисимова, уважаемая вами Скоробогатова. Сам он ответил уклончиво – время покажет.

Скворцов программу не смотрел, но поторопился отреагировать. Если в Москве и Ленинграде, с перестройкой, приходом к власти Ельцина, журналисты получили большую свободу и независимость, то в провинциальном Приволжске ничего не изменилось. По-прежнему действовала строгая вертикаль власти, подобострастное заискивание перед вышестоящими.

– Вместо того чтобы похвалить корреспондентку за находчивость, наказываете ее. Георгий Петрович, отмените при-

каз, если не хотите совсем потерять уважение коллектива.

– Ты не указывай мне! Совсем распустились. Тебе нечего делать? Иди, я разберусь.

Когда Вадим ушел, Скворцов вызвал секретаря и поручил снять с Доски последний приказ.

Третий, после отпуска, день, как и первые, пролетел незаметно. Анна соскучилась по работе, и теперь с радостью выезжала на все съемки. Работа в редакции информации нравилась. Каждый день новые встречи, события, знакомства. Ни в какой другой редакции нет подобного круга общения и знакомств. Директора, начальники, депутаты, администрация – все знакомы. За время работы на студии телевидения, со многими успела пообщаться не раз. Съемки, интервью, просто встречи на городских и областных мероприятиях – все приносило ощущение причастности к жизни большого города, гордость за свою профессию.

Часть отпуска Анна использовала в мае и отдохнула по путевке в Испании. Перед началом бархатного сезона подруга пригласила развеяться в Крым, и она с радостью согласилась. Не пропадать же оставшимся от отпуска дням! За две недели, проведенные у моря, Анна посвежела, загорела и теперь была полна энергии и новых идей.

Предложение главного зайти в конце рабочего дня, обсудить новое задание заинтриговало. Первые дни работы на студии Анна была влюблена в него. Вихров тогда был старшим редактором информации, она у него в подчинении. Он лет на десять старше и выглядел, каким в её представлении, и должен быть телевизионный журналист. Высокий,

стройный красавец с темными, лучившимися улыбкой глазами, веселый и остроумный собеседник. Несмотря на разницу в возрасте, сразу предложил называть себя просто Вадимом. В Университете ей было все равно где в будущем работать, общение с Вадимом окончательно заставило сделать выбор и полюбить телевидение.

Они сидели в одном кабинете. Общались постоянно. Вадим правил ее сюжеты, учил практическим навыкам, которые не дал университет. Привил любовь к живому эфиру. Видел в ней коллегу и не замечал молодую женщину. Анна пыталась увлечь, обратить на себя внимание, но старший редактор не понимал ее призывных взглядов, или не хотел понимать. Наконец, догадалась, не зачем ему связываться с молоденькой журналисткой, когда за ним ухлестывают первые красавицы телевидения – дикторы, режиссеры, известные в городе актрисы. Он пользовался их благосклонностью. Позже Анна увлеклась сверстником из музыкальной редакции Игорем, его сменил телеоператор Артем, появились новые друзья, поклонники. Безответная увлеченность Вадимом прошла. Относился он к ней хорошо, всегда пошутит, скажет комплимент внешности, спросит о поклонниках. Подобные комплименты, правда, отпускал и другим молодым коллегам.

С тех пор прошло много времени. В этом апреле студия телевидения отмечала очередной юбилей. В главном павильоне устроили грандиозный фуршет с выпивкой и танцами.

Она, и Вадим – теперь главный редактор студии, изрядно выпив, танцевали, целовались и, случайно получилось, – оказались у него в кабинете. Как развивались события дальше, вспоминается смутно, там, на столе, она отдалась Вадиму.

Минутная слабость продолжения не получила. Кто-то должен был сделать первый шаг. Главный держал себя, словно ничего не произошло. Сама Анна не могла напомнить, и зачем? На пересуды всей студии стать любовницей? За муж не возьмет, а если бы и предложил, Анна не считала себя готовой к семейной жизни. Не нагулялась. Решила, пусть считает этот вечер случайным происшествием, в котором виноваты оба. Относился Вадим к ней по-прежнему, как и к остальным четверем сотрудникам информации, не выделял. Со всеми мягкий и добрый, никогда не повышал голоса, даже когда кто-то из репортеров совершал явный промах. Не терпел только обмана и в серьезных делах оставался принципиальным. На её памяти по настоянию Вадима, уволили сотрудника, выдавшего в эфир явную ложь. Очень уважительно относился к профессии репортера. Свою работу, телевидение любил фанатично.

С памятного вечера минуло достаточно времени. «Какова цель сегодняшнего приглашения задержаться – собирается предложить необычное задание»? Просматривая в видеомонтажной снятые материалы, Анна ловила себя на мысли, что продолжает гадать, что за задание. Обычно с разными идеями Вадим приходит в редакцию и предлагает желающе-

му взяться. Анна настрочила текст к закадровому комментарию диктора и посмотрела на часы. Четыре. До репетиции можно успеть поговорить. Позвонила по внутреннему телефону.

– Вадим Константинович, просили зайти во второй половине дня.

– Лучше после репетиции, – сказал он, после короткой паузы. – Никто не помешает, все спокойно обсудим.

«Никто не помешает» – еще больше заинтриговало Анну. Чтобы не терять времени, она открыла завтрашнюю страничку календаря выбрать, какие из намеченных съемок застолбить за собой. Встреча с известным московским экономистом, прием в областной администрации немецкой делегации из города – побратима, встреча однокурсников в индустриальном, посещение немецкой делегацией пригородного животноводческого комплекса. Вот от чего надо отбойриться! Потом неделю запах коровника будет преследовать! Открытие юбилейной выставки местного художника Крылова. Последний прогон новой пьесы в драмтеатре. В редакции кроме нее еще одна молодая женщина – Люда Хворостова, и двое парней. Никто из них добровольно не откажется от красивых сюжетов в её пользу. Томиться два часа в администрации или ехать в село, никому не охота. Другое дело выставка или встреча однокурсников. Анна зашла к старшему редактору Леониду Петрову забить на завтра тусовку бывших студентов и выставку с театром.

– Я первая, мне выбирать.

– А кому к коровам и на встречу с экономистом? – остановил Леонид. – За отпуск отвыкла от сельской темы, свежим взглядом сделаешь репортаж. – Анна замотала головой. – В село на уборку поедешь, раз не хочешь к коровам. После обычного препирательства, Анна выговорила себе администрацию и на вторую половину дня выставку. В полглаза посмотрела на редакционном мониторе репетицию, свои сюжеты, и тут в комнату одна за другой шумно ввалились две съемочных группы. Началась обычная перепалка, обмен новостями.

– Зажала возвращение из отпуска, не прощу, – возмущенно потребовал Мишка, весельчак и балагур, главный поставщик новых анекдотов. Асс репортажа, вернулся со строительства новой станции метро.

– Проспал. Вчера распили бутылку «Нового Света» и «Черного доктора».

– Правда? – обратился он к Сашке, одновременно с ним приехавшим со съемок. Дацко кивнул.

– И даже понюхать не оставили! Запомню.

– Понюхать оставили. – Сашка полез под стол и вытащил три пустые бутылки. – Не хрена рано смываться.

Дождавшись конца репетиции, Анна отправилась к Вадиму. Главный поднялся навстречу.

– Садись. Загорела! Надеюсь, хорошо отдохнула? В Ялте?

– В Коктебеле. Подружка уговорила, двухместный номер

в пансионате заказала.

– По тону не слышу, что осталась в восторге. На амурном фронте не выгорело? – спросил Вадим, улыбнувшись. Анна или Аннушка, как часто называл её, всегда нравилась ему. Сегодня на загорелом, обычно улыбающемся лице, читалась грусть.

– Прямо в точку. На амурные я и не рассчитывала. Поехала отдохнуть, развеяться, а подруга надеялась на курортный роман. – Помолчав, Анна спросила. – Вы позвали поделиться впечатлениями об отпуске?

– Не только. Ты сегодня не в духе? Помнится, раньше мы были на «ты».

– Забыла. Вы главный редактор, начальник. После отпуска всё еще не вошла в студийную атмосферу. Собираетесь предложить срочное задание?

– Не совсем. Даже не задание, хочу предложить подзаработать на выборах.

– Не врубаюсь. Намечаются внеочередные выборы? – перебила Анна. – Только – что с большими проблемами завершили избирательную кампанию Ельцина и вновь выборы?

– Почему внеочередные? Теперь выборы нашего градоначальника. Полномочия Анисимова скоро истекают. Законодательное собрание в ближайшие недели объявит о начале избирательной кампании главы городской администрации. Анисимов наверняка постарается остаться еще на срок. Зная твоё отношение к нему, думаю, согласишься войти в коман-

ду его соперника.

Аннушка насторожилась. Вадим продолжал.

– Ко мне обратился Болдин, бизнесмен от фармацевтики, местный Брынцалов. Наверняка знаешь. – Анна кивнула. – Решил баллотироваться в мэры на предстоящих выборах.

Вадим объяснил, что его, с Алексеем, Болдин пригласил в свою команду начать раскрутку до официального открытия избирательной кампании.

– Желаете, присоединиться к нашему дуэту? Девушка ты красивая, любишь модно одеваться, а Болдин обещает хорошо заплатить.

– Польщена. Никогда начальство не проявляло заботу о моем гардеробе. Спасибо за доверие.

– Я не как начальник, а скажем... Как человек симпатизирующий тебе. На съемки я езжу редко, по мелочам в кадре стараюсь не светиться. Ты окажешься полезной в выборной кампании Болдина.

– Мне, выходит, светиться можно? – перебила Анна.

– Имею в виду, твои сюжеты идут ежедневно, часто появляешься на экране.

– Подумать надо. Всё будет законно, порядочно?

– Что порядочно в нашей профессии, философы так и не определили. Противозаконным тоже не собираюсь заниматься. Иначе не брался бы. При случае поставлю в известность Председателя телекомпании.

Аннушка опять замолчала, задумалась. Улыбнувшись,

спросила.

– Заговорили о выборах, вспомнила старый анекдот. На прошлых выборах рассказали. Может, знаешь. У кандидата спрашивают:

– Почему вы решили баллотироваться в депутаты?

– А вы посмотрите, что творится вокруг! Власть погрязла в роскоши, коррупции, вместо дела – одни обещания!

– Собираетесь со всем этим бороться?

– Ну что вы! Хочу тоже во всем этом поучаствовать!

– Не слышал. Впрочем, актуально и сегодня.

Можно вопрос? – Вадим кивнул. – Честно, как думаешь, что двигает Болдиным, на фига ему беспокойная должность мэра? Не бедный, преуспевает в коммерции, слышала, пишет докторскую.

– Люди идут во власть с одной целью – решить собственные проблемы. Хорошо, когда они пересекаются с интересами общества. У Болдина, думаю, личные амбиции. Отдаст себе отчет, что должность не очень хлебная и здоровья не прибавит. Искренне верит, сумеет улучшить жизнь горожан, поднять экономику, привлечь инвестиции. Девиз его «Если желаешь изменения мира – не оставайся в стороне». Привлекательно. Самому интересно залезть ему в душу, понять. Надеюсь, работая вместе, узнаем. Отказаться всегда можно. Так, как, ты с нами?

– Надо соглашаться. К зиме надеялась приодеться, за лето ни рубля не скопила, хуже – в долги влезла. – Она замолк-

ла, все еще колеблясь. – Тронута заботой, – Анна поднялась, подошла к Вадиму, поцеловала.

– Это лишнее. Афишировать, как понимаешь, не следует. Покопайся в старых газетах, выпиши предвыборные обещания Анисимова, посмотри, что не выполнено. Заодно фамилии прошлых соискателей. Кто-то опять выдвинется. Мы с Алексеем набросали кое-какой план. – Он достал папку с несколькими листками. – Познакомься, возможно, что-то родится и в твоей головке, прибавим.

– Спасибо за доверие.

– Ну и ладненько! Рабочий день окончен, можно по домам. – Вадим посмотрел на часы. – Задержал? Могу подбросить, нам, помнится, по – пути.

Анна подождала на крыльце, пока он вывел своего «жигуленка».

– Можешь вставить кассету, выбери.

Анна поставила кассету с любимой «АББА».

– Не рассказала, как провела отпуск. Неудачный роман?

– Какой роман! С кем? Со старыми пердунами, у которых песок из одного места сыплется? Молодые приезжают со своими гёрлз.

Отпуск и впрямь выдался неудачным. С самого начала она была против Коктебеля. Один коротенький роман, правда, состоялся. Закончился позорно, и вспоминать стыдно. Закадрил симпатичный молодежавый поэт. Водил в ресторан Дома литераторов, возил в Ялту. Казалось, грех жаловаться, по-

ка не дошло до постели. Садистом оказался поэт. Из любопытства позволила себя связать, надеялась в шутку, а он серьезно, связал, заклеил скотчем рот и принялся издеваться. Едва живая вырвалась. Об этом романе не расскажешь.

– С Лилькой, приятельницей, с кем ездила, была история! Прямо для вашей с Алексеем книги! Не поверишь! Ее дог пытался изнасиловать.

– Собака?

– Огромный черный дог.

Вадим сразу вспомнил про свою с Алексеем «нетлёнку» – будущую книгу, прозванную так с легкой руки их общего друга Сергея Волкова.

Незаметно доехали до дома Аннушки. У подъезда Вадим остановился, вышел, открыл перед ней дверцу.

– Какая галантность! Езжу на съемки, хоть однажды кто-то из мужиков проявил бы подобную учтивость.

– До завтра! Как-нибудь расскажешь про дога – насильника. – Вадим уже сел в машину, когда Анна вдруг решила пригласить его.

– Торопись, может, зайдешь? Крымское вино осталось, виноград. Машину поставь в угол у гаражей. Никто не позарится. Доскажу историю с догом, чего откладывать, забуду потом детали.

Вадим в нерешительности остановился. Понимал, сюжетом для книги вряд ли ограничится. В последнее свидание с Майей в очередной раз дал себе слово не отвечать на при-

звывы женщин. «Хватит бросаться на каждую, кто позовет! Знала бы Натка, в какого ловеласа превратился скромный высококонравственный мальчик, отстаивающий идеалы единственной на всю жизнь любви»!

До Натки Вадим не знал женщин. У нее был мужчина и, как позже понял, она ненавязчиво, но целеустремленно научила его настоящему сексу. После он уже не мог долго обходиться без женщин. Они оставались довольны им в постели и продолжили обучение. Как бы ни было хорошо с очередной женщиной, бывшая жена долго еще вспоминалась. Излечила одна Майя. С ней он счастлив, не вспоминал Натку, надеялся, теперь будет верен ей одной. Однако, время от времени срывался, не устояв перед очередной соблазнительницей.

«Майя меня любит, а то, что мучает... Я разве не расстраиваю её?.. Аннушка не в благодарность за приглашение в выборную кампании приглашает, понятно. Тоже, испытывает заложенную природой потребность в мужчине. Подвернулся я – зовет меня. Окажись рядом другой, пригласила его. Явно намекнула, мама все еще на даче, а она скучает одна в пустой квартире. Дома, кроме застрявшей на 155 – й странице „нетлѐнки“, ничего интересного не ждет».

Вспомнил вечеринку, посвященную юбилею студии. Конечно длинный танец с Аннушкой, после которого непонятным образом оказались у него в кабинете, целовались. Аннушка закрыла дверь на ключ и начала его раздевать, залезла на стол. Там он и познал её. Все произошло быстро,

без объяснений, без предисловий. Удовлетворение получили лишь физиологическое. Оба выпивши. Анна больше, он меньше. На следующий день Вадим зашел к ней в редакцию информации обсудить сюжет с одним из редакторов. Анна не подняла головы от компьютера, хотя слышала – зашел главный редактор. Держалась, будто ничего не случилось. Решил, девчонка раскаивается в случившемся, если помнит. Позже, встретились в коридоре, можно было поговорить, Вадим не решился, она, молча, прошла мимо. «Для современной девчонки отдаться по пьяному делу рядовое событие, и не следует напоминать. Скорее всего, и не помнит, настолько была пьяна».

Он старше Анны на годы, которые в истории страны и журналистики, равны былым десятилетиям. Она не изучала теорию и практику советской печати; что такое ЛИТО, когда каждую страницу твоего будущего выступления подписывал цензор, знала понаслышке. Поведение ее ровесников, недавно закончивших университеты, Вадим часто не понимал. Они выросли, когда уже не считалось, что в СССР нет секса. Его поколению представлялось, что все молодые журналистки, во вновь испеченных газетах и на телеканалах, постоянно сексуально озабочены. Не представляют профессию журналиста без этого, как в его время без сигареты во рту. Все они: Люда из информации, ассистентка Светлана, Гелла и Рита из «Облпресс», как доносит молва, переспали с большинством мужиков на телевидении, начиная с ровесников –

осветителей, и кончая водителями. С творческими работниками, разумеется. Вадим не завязывал интрижек в студийном коллективе. Правда, когда видел встречное желание коллеги без комплексов, приятно провести вечер, нарушал обет, не отказывал себе в удовольствии пополнить список познанных женщин.

– И ты знаешь, что мы собираем любопытные истории эротического плана.

– Да вся студия знает! Наверняка и я вошла в ваши мемуары. Подружку мою сделайте героиней книги.

Поднялись на четвертый этаж, Анна открыла квартиру. Все было прибрано, блестело и готово к приему гостей. Както Вадим заезжал за текстом, когда она болела. Познакомился с мамашей, красивой моложавой женщиной интеллигентного вида. Она настойчиво приглашала Вадима раздеться, попить чаю.

Анна усадила Вадима на тахту, протянула пульт телевизора.

– Посмотри московские новости, я быстро.

Пока Вадим, размышляя, разглядывал комнату, Анна переделалась и вышла в домашнем ситцевом халатике, четко обрисовывающем ее формы. Узкий поясок подчеркивал талию. Деловая молодая женщина превратилась в милую домашнюю девочку, далекую от циничной профессии журналиста. Аннушка придвинула журнальный столик к тахте, на которой сидел Вадим, поставила блюдо с виноградом.

– Угощайся. В аэропорту перед вылетом, купили. Купоны украинские остались, надо было потратить.

– Привлекательнее выглядишь, чем в джинсах. Прямо школьница.

Она засмеялась.

– Советуешь и на работу ходить в халате? Спасибо за комплимент. Ешь виноград, нечего на меня глазеть. На работе не насмотрелся?

– На студии совсем другая, не такая женственная и желанная.

Аннушка принесла початую бутылку крымского марочного портвейна, и Вадим не стал отказываться, ссылаясь, что за рулем. Появились яблоки, печения, конфеты. Аннушка достала бокалы, села напротив.

– Более существенной еды, сожалею, нет. Подождешь – сбегая вниз в гастроном.

– Спасибо. Пригласила попробовать крымского вина и рассказать приключения с подружкой.

– Как хочешь. Мое дело предложить. Может, достать диктофон, включим? Меньше придется фантазировать. Мое имя, надеюсь, не станет фигурировать.

– Диктофон? Замечательно! Тащи и включай.

Она сходила в соседнюю комнату за диктофоном.

– По-книжному говорить, или как? – спросила, протягивая диктофон.

– Как сумеешь.

Она села, налила себе в бокал вина и заговорила.

– И, так. Стояли погожие теплые дни конца августа. День обещал быть солнечным. Когда мы добрались до пляжа, по небу бежали белые пушистые облака, они недолго закрывали солнце. Для купания погода великолепная – не жарко и не мерзнешь, вылезая из теплой воды. Каждое утро небольшой частный пароходик перевозил отдыхающих из Коктебеля в небольшую, закрытую со всех сторон бухту, где самостоятельно организовался nudистский пляж.

– Прямо как по писанному чешешь, если и дальше так, останется расшифровать запись, вставить готовый фрагмент и назвать автора.

– Не надо. Дарю сюжет вместе с эмоциями. Пусть моим вкладом в вашу книгу будет законченная новелла. В старости, если сяду за мемуары, об одном из отпусков напомнит ваша книга.

– Поехали дальше.

– И так, nudистский пляж. Кстати, купался когда-нибудь голяком?

– Ночью на рыбалке, чтобы не мочить трусов. Особого кайфа не помню, дрожал от холода.

– Ничего не понимаешь! Неповторимое блаженство купаться без ничего, в теплой морской воде. Ощущаешь свое тело свободным, не стесненным одеждой, наслаждаешься полным слиянием с природой... Продолжаю. Добраться сюда можно лишь по морю. Организованные любители купать-

ся, в чем мать родила, приезжали на катере, отдыхающие дикарями, из заводского поселка Орджоникидзе, добирались вплавь, обогнув не очень длинную череду скал, ограждающих бухту от полосы обычных песчаных пляжей, которые заполнял, приезжающий на лето, люд. Пройти вдоль берега по воде, даже в тапочках, мешало острое каменистое дно; три стороны пляжа охраняли отвесные голые горы из вулканических пород.

Мы уже неделю приезжали сюда с Лилькой. Здешние старожилы – несколько компаний, общались лишь между собой, – играли в подкидного, еще в какие-то дурацкие игры, нас с Лилькой не замечали. Мы их не заинтересовали, или их гёрлз не решались конкурировать с нашими фигурами. Возможно, не принято знакомиться на нудистском пляже.

– Почему? Предварительно получаешь необходимую информацию. Оскорбились, никто не клеит?

– Можно и так сказать.

– опиши подругу. Желаете – приукрась. Кстати, её Лилей зовут?

– Не роман сочиняю, веду репортаж с места события. Рассказываю, как было. Помогаю представить картину.

Все курортные достопримечательности мы осмотрели в прошлый, приятный, полный волнующих приключений, сезон. В этот приезд уже совершили обязательный ритуал, – посетили музей Волошина, съездили в Феодосию к Айвазовскому, ходили на парходике к Золотым воротам. Оста-

лась экскурсия по Карадагскому заповеднику, где побывали прошлым летом. Вечера посвящали дискотекам и ресторану в надежде закадрить симпатичного поэта или просто интеллектуала. На серьезный роман ни я, ни Лилька не рассчитывали. Приехали отдохнуть, пофлиртовать, одним словом, – расслабиться. В прошлом году от мужчин не было отбоя, и мы выбирали. В этом – сплошная невезуха. И на ресторан в Доме творчества тратились, и сами проявляли инициативу, и все бестолку. Кого печатали, приезжали к морю с женами и любовницами, начинающие и неудачники сами искали, кто бы их облагодетельствовал. В завершение вечера с милой улыбкой извинялись, что со дня на день ждут перевода с гонораром, а пока разрешают расплатиться за них.

Лиля слабо разбирается в поэзии и всё, что читали ей ночью на берегу, воспринимала с восторгом, хвалила, искренне верила, настоящим поэтам пробиться нелегко. Я же часто уличала её поэтов в плагиате, и разочаровывала подругу. Особенно, когда пытались выдать за свои творения Бальмонта, Северянина, поэтов Серебряного века, к которым, как помнишь, не равнодушна.

Подруге придумываешь другое имя, мне удобнее рассказывать, называя все своими именами. И так, Лиля. Симпатичная молодая женщина 28 лет, еще в возрасте, когда гордятся своими формами и фигурой. Сложена великолепно. Высокая, но не слишком, как современные манекенщицы, длинные ноги, талия, естественный бюст. Богом обиженные, стре-

мятся к такому, с помощью силикона.

– Нарисовала собственный портрет!

– Есть немного. Мы во многом похожи, ухажеры порой путают. Лилька чуть выше меня и красивее. Будешь перебивать, чего-нибудь пропущу, самому придется додумывать.

– Больше не буду. Портрет описала великолепно. Зримо представил – ты.

– Так вот, у Лили свои каштановые волосы, правильный нос, карие глаза и почти всегда улыбка на лице. Кто не видел её в домашней обстановке или в институте, где раньше работала, примет за неумную пустышку – хохотушку. И ошибется. Лиля кандидат наук, а держит продовольственный ларек на Центральном рынке. Их НИИ распался, и жизнь заставила выживать. Родители пенсионеры, неработающий брат, приходится крутиться. Ой, наверное, зря я все это подробно описала, к происшествию никакого отношения не имеет. Ладно, перехожу к главному, вижу, утомила.

– Все нормально, продолжай. – Вадим включил диктофон на воспроизведение и, убедившись, что все записывается, вновь поставил за запись. Аннушка продолжала.

– Облака, наконец, уплыли за гору, в Феодосию, и солнце зажарило всюю. Умиrotворённая жарой, я лежала на широкой красочной подстилке с рисунком льва, которым являюсь по знаку Зодиака, читала и заснула над книжкой. Лилька на половину стояла, на половину лежала, опираясь спиной на огромный скальный обломок, отполированный при-

боем, и покрытый мягкой лежанкой. Выгнувшись почти пополам, некрасиво расставила ноги, открыла всю себя солнечным лучам, и тоже задремала. Соломенная шляпа с широкими загнутыми полями, почти ковбойская, закрывала лицо и оставалась единственным, что было на ней. Лежала лицом к солнцу, открыв незагорелые бедра, и то, что обычно прикрывают фиговым листком.

– И ты так подставляла себя солнцу?

– Не перебивай! Дай, доскажу, а то пройдет вдохновение. Я уже говорила, разморенная жарой, задремала. Долго ли продолжалась приятная полудрема, потом не вспомню. Проснулась я от душераздирающего Лилькиного крика. Повернулась к ней и обомлела. Огромный черный дог, положив лапы ей на плечи, навалился, припечатав к скале. Сама она потом рассказывала: «Открыла глаза и увидела страшную черную морду, она дышала в лицо гадким перегаром и скалила зубы, самое страшное – почувствовала, как что-то острое и горячее тыкалось в бедра, пыталось попасть между ног. Ужас сковал, и первое мгновение не могла пошевелиться, закричать. Я дрожала всем телом, а собачий пенис входил в меня... Прошло сколько-то секунд, показавшиеся вечностью, прежде чем я смогла оттолкнуть пса, приподняться и заорать. Пес снова бросился на меня, встал во весь рост, опустил лапы на плечи, и едва не повалил. Я отпрянула, и когти больно прошлись по груди, животу, оставив глубокие ссадины».

Вадим снова перебил ее.

– Рассказываешь, словно сама всё испытала. Пёс на тебя набросился? Признайся.

– Ну, тебя! Не веришь, сведу с Лилькой, спросишь. В ту минуту, я никак не могла врубиться, и позже, не сразу поверила. Ну, полезла собака ласкаться, не трахать же. Посчитала, от испуга Лильке всё померещилось. Как собака может трахнуть женщину? Хотя сама видела, как пес навалился на неё. На крик сбежался народ, и пес оставил Лильку, сел на песок, продолжая демонстрировать свои мужские достоинства в полной боевой готовности. Женщины принялись утешать Лильку, кто-то принес туалетную воду, чтобы протереть ссадины, Лилька взывала от боли.

– Потерпи, необходимо продезинфицировать раны, – утешала ее пожилая женщина с обвисшими грудями. В другой обстановке Лилька наверняка заметила бы «только с такими прелестями на нудистский пляж», сейчас, продолжая рыдать, благодарно принимала ее заботу. Плакала Лилька от боли и позора, который, казалось ей, все видели. На самом деле в тот момент лишь один молодой мужчина высказал предположение, что пес собирался трахать ее, все остальные восприняли происшествие как нападение глупого пса. Позже, однако, все, бывшие в те минуты на пляже, сошлись во мнении, что пес, действительно пытался изнасиловать девушку.

– Чья собака, уберите пса! – кричали в ужасе голые

женщины. Пес скалил зубы, рычал, когда мужики махали на него, пытаясь отогнать подальше, вращал возбужденными глазами; красный отросток меж задних лап по-прежнему продолжал победно торчать. Женщины были в ужасе, вдруг пес кинется еще на кого-нибудь. Никому не приходило в голову, что нужна особая поза, чтобы собака поимела женщину. Лилькина поза оказалась удобной и спровоцировала пса.

Мы, все собравшиеся вокруг Лильки, не заметили, когда из воды вышла женщина в купальнике и позвала:

– Акбар! Акбар, ко мне! Только теперь отдыхающие обратили на нее внимание. Пес нехотя поднялся на зов и медленно побрел в воду. Поняла ли женщина, из-за чего переполох и, потому, поспешила удалиться, или не входило в планы находиться среди голых людей, так и осталось не выясненным. Вскоре женщина и собака поплыли к выходу из бухты и скрылись за скалами, отгораживающими её. Я как могла, успокаивала Лильку, а она продолжала биться в истерике:

– Хороша игра, если суют и знают куда.

– Твое напуганное воображение. Перестань думать об этом! Иначе и впрямь поверишь черте чему.

– Догадываюсь, это французский крем. польской подделки для загара, привлек псину.

– Не говори глупости.

Лишь час спустя Лилька успокоилась от страха. Я потянула ее в воду. Царапины от соленой воды защипали дикой болью, и она снова заплакала уже от боли. Ей хотелось бе-

жать с этого проклятого пляжа, от людей, которые видели ее невольный позор. Однако пришлось ждать катер.

Вечером весь Коктебель говорил о происшествии на нудистском пляже. Хорошо, если не показывали на Лильку. Одни верили, другие спорили, что такого не может быть, потому что не может быть. Разговоры о происшествии велись за ресторанными столиками и на дискотеке. Хихикали, обсуждая происшествие, влюбленные парочки в укромных уголках ночного пляжа.

– Любопытная история! Трудно поверить, что пес пожелал трахнуть женщину.

– Не веришь? Свидетельница всему! Бесспорно, пес пытался её трахнуть, а получилось бы? Поза у Лильки была удобная.

Где-то за стеной громко послышались позывные НТВ, начались ночные «Новости».

– Ого, одиннадцать! Пора сматываться, – сказал Вадим и, остановив диктофон, собрался вынуть кассету. После долгой внутренней борьбы, решился сдержать данное себе слово. «Как потом посмотрю в честные глаза Майки? Нет, не останусь. Всё! Достаточно! Хватит, коллекционировать женщин»!

– Включи диктофон, – прервала его колебания Анна. – Еще один казус с ней вышел. Тоже сюжет для вашей книжки. За несколько дней до отъезда мы познакомились с приятным юношей – москвичом, начинающим поэтом. Призна-

юсь, сама положила на него глаз, но Лилька уговорила уступить, тем более, меня в тот день клеил респектабельный новый русский.

– Выходит, роман был, а говоришь все неудачно.

– Не перебивай. Поэт оказался на несколько лет младше Лильки, но они чувствовали себя великолепно. Он красиво ухаживал, три раза на дню покупал цветы и мороженое. В ресторане заказывал дорогого «Черного доктора» и шампанское. Говорил постоянно стихами, чем совсем покориł подругу. Их бурный роман без постели длился два дня. Когда в третий вечер поэт снова пригласил её на ночную набережную, Лилька предложила пойти к нам в номер, благо я ушла. Поэт настоял на своем – ночное море, луна и звезды, шепот волн возбуждают больше, и повел на пляж. Они нашли укромное местечко, кем-то до них заботливо отгороженное лежаками, и сели на один из них, специально приготовленный для любовных утех. «В моем возрасте, конечно, приятнее мягкая постель, – рассказывала потом Лиля, – но подобной южной романтики не испытала и решила попробовать». Парень продолжал читать стихи, а бедная Лилька, возбуждаясь, все больше, ждала, когда же дойдет до цели. А он ласкал, целовал, продолжая читать стихи, и все не доходил до главного, все больше возбуждая её. Стихи, в конце концов, достали Лильку и, не выдержав, она спросила, не голубой ли он. Поэт удивился.

– Почему подумала? Не валю, не лезу в трусы?

В общем, парень, оказалось, после операции и пообещал наверстать упущенное позже, приехать к Лильке в Приволжск. На том и разошлись.

– Так образно, литературным слогом все представила, словно читала с листа, будто всё произошло с тобой. Готовый рассказ.

– Учусь работать без черновиков. Кстати, про собаку. Происшествие в красках расписали крымские газеты, вы будете не первыми, ничего?

– Думаешь, все читали крымские газеты? Я записываю со слов свидетеля и близкой подруги пострадавшей.

– Перед нашим отъездом, на следующую смену в пансионат приехала кухонная работница и рассказала, что в поселке Орджоникидзе, где она живет, знают даму, которая приезжает каждое лето отдыхать с собакой и трахается с ней. Местные жители засекли.

Вадим вынул кассету из диктофона.

– Готовая глава. Только знаки препинания расставить.

По реакции и поведению Вадима, Анна поняла, не останется, а намекала явно, что не против. На всякий случай, провожая, спросила, не рискует ли после выпивки садиться за руль, в квартире есть свободная комната.

В те минуты, когда Вадим записывал происшествие с Аннушкиной подругой, его вспоминали в доме Майи. Пришла её подруга из театра Ольга Плетнева. Со времени работы в театре, они сохранили дружеские отношения, и Майя не пошла с мамой в гости, как собиралась. Ольга пришла посоветоваться о путевке в санаторий или дом отдыха СТД. Обсудили варианты Плёса и Мисхора. Заговорили о местных домах отдыха. Майя посоветовала отдохнуть рядом на Светлом озере, где её с Вадимом тепло принимают и рады гостям.

– Дешево и сердито. Природа вокруг – закачаешься. Если хочешь, поедем вместе, познакомлю с замечательным лесником и женой его.

Ольга улыбнулась.

– Маечка, Василия Александровича и лесной кордон я прекрасно знаю. В свое время бывала там, возможно, чаще, чем ты.

– Так в чем проблема?

– Не догадываешься?

Майя извинилась, вспомнила, бывший Ольгин муж – Алексей Одинцов. В выходные он вместе с ними часто приезжает на озеро. Иногда и не один, а с очередной пассией.

– Ты, конечно, слышала о моем романе с итальянским певцом, после которого мы с Алексеем окончательно расста-

лись. Там, на озере впервые увидела его и потеряла голову. Вадик рассказывал, что и Натка оказалась в Италии благодаря знакомству с этим итальянцем, на том же лесном кордоне? Он помог ей сбежать на Запад.

Когда-то в труппе обсуждали развод Ольги. Майя помнила, что и до итальянца Ольга не отличалась скромностью в отношениях с мужчинами. Что итальянец причастен и к судьбе Вадима, не знала.

– Можно, я тебя спрошу? – Ольга кивнула. – После того, как подруга сбежала, ты уже развелась, почему не попыталась тоже уехать?

– В Италию? К кому? Для Виторио, воспитанного в католической Италии, семья священна. Он никогда не развелся бы, хоть меня любил. Натке повезло, встретила неженатого, и увлеклась. Я не одобряю ее. Считаю, сглупила, уехав в чужую страну, оставила Вадима... Он долго переживал предательство, пока не привязался к тебе. Выходи за него. Кончай копаться в прошлом. Второго такого мужчину не встретишь! Не обращай внимания на его показной цинизм и поведение. В душе чистый ребенок. Как ты. Сама бы за него пошла, да не возьмет.

О романах Вадима Майя теперь наслышана. Может, и не знала бы, но, когда у них завязался роман, Елена, коллега по СТД, считала долгом держать её в курсе.

– Вадим ищет похожую на Натку. А найти второго человека, полностью соответствующего первой любви нелег-

ко, если вообще возможно. Одинцов был у меня первый, не представляешь, как я его любила! Однажды в театре совершила глупость, уступила минутному влечению. Потом еще раз и пошло – поехало. Думала, Лешка не узнает, от меня не убудет, почему не наслаждаться жизнью, пока молодая. Вот и осталась одна. Лешку по-прежнему люблю. Думаю, он тоже любит, не хочет признаться себе, и как Вадим меняет женщин. Какое-то время надеялась, Лешка простит, но он принципиален не только в работе. После развода, чтобы отомстить мне, женился на дикторше радио. Красивая жена оказалась интеллектуально значительно ниже его и быстро наскучила. Семьи не получилось, развелся. Пошли роман за романом. Ладно, хватит о грустном.

– Не знала всей истории. Ты не рассказывала. К сплетням в театре никогда не прислушивалась, – призналась Майя.

– Просто многого не хотела знать.

– Я говорила, Вадим нравится. Люблю ли? – она пожала плечами. – Я очень нерешительна, постоянно в сомнениях. Любовь представляется чем-то иным, более возвышенным что ли. Читала у Катрин Денёв: «Лучший способ сохранить любовь – никогда не выходить замуж»?

– Читала. Сама Катрин пять раз выходила. Девочка! Ты его любишь! Мучаешься сама, мучаешь его.

– Не могу без него, ты права. Не поверишь, он у меня первый, – сказала Майя.

Ольга обняла подругу. Она знала гнусную историю, как

много лет назад Майю изнасиловал ведущий тенор. Вышел большой скандал и только благодаря доброте Майи – пожалела, забрала дело из суда, подонок не сел в тюрьму, вынужден был уехать. Ни одного мужчины у Майи не было. В театре ничего не скроешь. Работая в СТД, неожиданно увлеклась Вадимом.

Ольга продолжала общаться с Вадимом и осталась в приятельских отношениях, в отличие от бывшего мужа. Алексей с ней не общался, но материально помогал. Дочь Лера имела всё, что было у других детей, даже больше. Лешка очень любил ее.

– Тебе сколько лет? – спросила она Майю.

– Тридцать три, а что?

– Танцевальную карьеру в балете завершила, можно и замуж. Выходи за Вадима, пока зовет. Не ломай голову.

– Вадим делится с тобой нашими отношениями? – возмутилась Майя.

– Нет. Как Лешка, скуп на рассказы о себе. Спросила как-то, что морочишь голову чудесной женщине, он и признался, ты не соглашаешься выйти за него.

– Пошли на кухню, у нас торт остался со вчера. Чаю попьем.

– Теперь позволяешь себе сладкое? – Майя кивнула. – Выглядишь классно.

Откровенная беседа друзей с Болдиным затянулась. Включив диктофон, журналисты сыпали не очень приятными для собеседника вопросами, пытаясь понять его. Идеализм Болдина вызывал сомнения. Конечно, сотрудничество можно прервать в любую минуту, если игра окажется нечестной, но будет жаль потраченного времени.

Болдин оказался интересным человеком и к концу трехчасовой беседы друзья почти поверили в искренность своего работодателя.

Наивная вера Болдина, если изберут главой города, сумеет многое изменить, восстановить производство, поднять экономику, а главное улучшить положение пенсионеров и социально не защищенной части населения, была поразительной.

– Я долго колебался, стоит ли идти во власть. По душе мне больше наука, поиски новых решений в фармакологии и медицине. Трибуна у меня есть – в областной Думе. Власти уверяют, экономика движется вперед, а ощущает это небольшая прослойка людей, занимающаяся бизнесом. Большинство населения живет намного хуже, чем при коммунистах. Вижу, кто рвется к власти, и понял – в ближайшие годы ничего хорошего не светит. Решил: хватит отсиживаться и критиковать власть, пора действовать, реализовать имеющиеся

ся идеи. В городе достаточно умных здравомыслящих людей, вместе мы сделаем наш город богатым и процветающим. У меня есть программа, разработанная экономистами и социологами, моими единомышленниками. – Надеюсь, горожане поддержат.

– Считаешь, Анисимов не старался решить городские проблемы?

– Старался. Слишком нерешительно, с постоянной оглядкой на губернатора, на Москву.

– Надеешься, тебе позволят больше самостоятельности?

– Все упирается в проблему налогов, они должны оставаться там, где их собирают. Несовершенная судебная система не позволяет активнее привлекать иностранных инвесторов в экономику города. И все же, даже при сегодняшней политике – экономической системе можно добиться больших успехов.

– Посчитай, в скольких европейских странах побывал Анисимов, зазывая потенциальных инвесторов! И американцев уговаривал. Результаты скудны.

– Не убедил, значит. Уверен, в Приволжье можно создать привлекательные условия для инвесторов. Не только иностранных. Нефтепереработка, химия, туризм, строительство,

– Готов отложить докторскую, забросить науку и заняться политикой, которая никогда не будет честной?

– Науку я уже давно забросил, переключившись на ком-

мерцию. Понимаю, денег придется потратить прорву. Готов спустить всё, что заработал. Кто-то же должен думать о своем городе. Сколько можно рассчитывать лишь на Москву и ждать милости с приходом хорошего царя. Начинать следует с провинции. У меня немало сторонников и в других регионах. Общался с «яблочниками», «левым фронтом», коммунистами. Нигде кроме ЛДПР реальной поддержки своим планам не нашел. Команда клоуна предлагает и деньги, но условия сотрудничества не устроят ни одного здравомыслящего.

В итоге беседы Вадим с Алексеем искренне согласились помочь Болдину, даже не за гонорар. Понимали, если Болдин даже выиграет выборы, ему нелегко будет воплотить свои идеи, что-то изменить. На словах Ельцин призывает местных руководителей смелее принимать решения, брать инициативу в свои руки, на деле же, как и при власти коммунистов, всё будет решаться в Москве.

Первый, из намеченных сюжетов с Болдиным, посвятили открытию новой аптеки. В дальнем микрорайоне старую аптеку расширили, отремонтировали в европейском стиле, установили новое оборудование и переориентировали на работу с пенсионерами. Назвали её «Ветеранская». Перевели сюда большинство лекарственных препаратов, отпускаемых

по льготным рецептам, уценили часть медикаментов местной фабрики.

Аптека и мебель – самый распространенный бизнес, с первых постперестроечных лет. Прибыль выше, чем торговать турецким и китайским ширпотребом. Болдин понял это намного раньше других, и приватизировал практически все аптеки. До аптек приобрел в собственность, дышащую на ладан, местную фармацевтическую фабрику.

На торжественное открытие обновленной аптеки пригласили бывшего начальника областного аптекоуправления, теперь вице губернатора, Афанасьева, чиновников городского и районного уровня. Афанасьев и Болдин, выступая перед собравшимися пенсионерами, рассказывали, какие преимущества получают пенсионеры, пользуясь новой аптекой, похвалили отечественные препараты, аналогичные импортным. Стараниями Зиновия, осветить торжества, прибыли корреспонденты всех городских газет и телекомпаний.

Кроме интервью у Болдина, Аннушка дала возможность высказать благодарность первым посетителям. Сюжет растянулся на две минуты – длиннее остальных. Болдин выглядел героем. Как председателя комиссии Областной Думы по здравоохранению, его показывали и раньше, но не как отца – благодетеля.

Монтируя ролик с Болдиным, Алексей вспомнил его горничную, старый анекдот: «Чем схожи женские ноги и ствол дерева? – Чем выше поднимаешься, больше дух захватыва-

ет». Засела Вероника в памяти. И дома, и на работе вспоминал девушку в одном передничке. Стройные длинные ноги даже приснились. «Обязательно познакомлюсь! Любопытно, как согласилась ходить перед хозяином и гостями голышом. Неужели ради денег? В нашу „нетленку“ сюжет просто необходим».

Позвонила Людмила – жена их общего друга из областной газеты Сергея Волкова, пригласила в четверг в гости. К ней приехала сестра Оксана из Феодосии. Мечтает покинуть «незалежную» и переехать в Приволжск, устроиться на работу, найти мужа. Надеется на Серезины связи.

– Мы отговариваем. Вадим, может, вы с Лешей сумеете убедить. Доводы Сергея не принимает. Нет никакого смысла оставлять теплый Крым и море ради голодного Поволжья. Да и какие женихи в нашем городе?

– Это вы что ли голодаете? – поддел Вадим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.